

Ничего, кроме магии

Евгений Гаркушев

Обойдемся без магии!

«Автор»

2003

Гаркушев Е. Н.

Обойдемся без магии! / Е. Н. Гаркушев — «Автор»,
2003 — (Ничего, кроме магии)

Вернувшись после долгого отсутствия на Землю, Сергей Лунин обнаруживает разительные перемены. Здесь не действуют физические законы, вышли из строя электростанции, ядерные реакторы, компьютеры и многое-многое другое. Земля стала унылым местом, и главное – здесь перестала действовать магия! Единственная связующая нить между Землей и Большим Миром – Врата, из которых порой выходят орды захватчиков... Благодаря выучке в далеких мирах Сергей дерется лучше любого воина, которого можно встретить на Земле после Катаклизма. Он обладает сверхчеловеческими чувствами и способностями. Но делает ли его это всемогущим? Всегда найдется тот, кто сильнее...

© Гаркушев Е. Н., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Часть первая

*Из топей сумерных по утесам туманным Господом проклятый
шел Грендель искать поживы, крушить и тратить жизни людские в
обширных чертогах; туда поспешал он, шагая под тучами, пока не увидел
дворца златоверхого стен самоцветных.*

Беовульф

Утром и вечером по небу неслись клочковатые холодные облака. Днем с чистого неба палило солнце. Под его лучами сохла и выцветала едва пробившаяся из земли трава, рассыпалась в бурю пыль земля. В полдень овцы и коровы прятались в тени кустов и огромных скал. Вечером они бежали из-под тени скалы на остывающую, слабо согреваемую вечерним солнцем равнину. Под скалами местами лежал снег.

Хижина стояла на склоне горы в тесном ущелье. Зимой здесь было холодно, даже если топить очаг каждый день, а летом – жарко. Но в последнее время я привык и не к такому, поэтому уровень комфорта нынешнего жилища меня устраивал. Хуже, чем в «Метрополе», но гораздо удобнее, чем в землянке посреди душных тропических джунглей, где мне пришлось провести последние несколько лет.

По утрам солнце долго не освещало тяжелую каменную кровлю моего дома, который быстро погружался в тень высоких гор вечером. На вершинах лежали вечные снега, ночью они дышали холодом, но днем с пастбищ в долине дул горячий ветер, согревая зацветающие склоны и робко жмущихся к высоким скалам овец.

Я вставал рано утром, когда солнце уже осветило небо, но еще не поднялось из-за гор. Нужно было накормить животных, полить огород, принести из дальнего леса топлива для очага. Когда я выходил из хижины на свежий воздух, изо рта шел пар. Уже через час моя рубашка была мокрой от пота.

Одеждой я старался не выделяться среди местных жителей: домотканые штаны и рубаха, низкие сапоги, в холодную погоду – шерстяной плащ и папаха. Правда, это вряд ли имело какой-то смысл, потому что я был коротко стрижен и брил усы и бороду. По местным меркам – верх неприличия. Местные брили голову наголо, но густыми, несколько запущенными бородами и длинными усами гордились.

Что касается прочих отличий – цвета и разреза глаз, формы носа и скул, – удивить кого-то оригинальностью было сложно. Сейчас в этих краях жили люди самых разных корней.

В загоне позади хижины блеяли овцы – штук двадцать, а может быть, и двадцать пять. Я не слишком следил за поголовьем. Хищные звери в этих краях докучали пастухам только зимой, люди жили честные, и если какая-то овца осталась ночевать под открытым небом – пусть ее... Рано или поздно вернется.

Пришлых воров бояться тоже не приходилось. Место, где я жил, пользовалось дурной славой. Когда-то здесь стояла целая деревня, но люди из нее исчезли. Одна семья, другая, третья... Время шло смутное, и даже за соседями приглядывать было недосуг. А аул на берегу бурного Баксана стоял далеко от другого жилья. И когда о нем наконец вспомнили, выяснилось, что людей там не осталось совсем.

Теперь все хижины, кроме моей, стояли пустые. Некоторые покосились, дворы заросли травой. Но большинство выглядело так, будто их обитатели только что ушли. Хижины были сработаны в свое время добротнo, дворы были каменистые, а на камнях, как известно, трава не растет. Разве что буро-зеленый мох покрыл некогда гладкие валуны, заменявшие порог.

Одним словом, за тот год, что я жил в ущелье, никто не пытался меня ограбить или обидеть. Может быть, этому мешала моя репутация не слишком общительного человека. Или

два шрама на лице, которые явно не делали меня симпатичнее. Или то, что я редко расставался с оружием.

Питался я овечьим сыром и лепешками из муки, которую покупал в соседней деревне, за десять километров от моей хижины. Еще я брал там сухие и свежие фрукты и овощи, что удивляло местных жителей. У человека нет денег на вяленое мясо и сахар, а он тратится на дорогую ерунду, которую берут только детям. Впрочем, сахар я у них тоже покупал.

На маленьком клочке плодородной земли возле Баксана росли капуста и картофель, морковь и кое-какая зелень. Картошка рожала плохо, а капуста при хорошем поливе получалась отменной.

Впрочем, жизнь моя вовсе не сводилась лишь к заботам о хлебе насущном, нет, эта печальная участь меня миновала. Из джунглей я привез достаточно самоцветов и золота, чтобы продавать их и не работать, но какой смысл жить в праздности? Если совсем не работать руками, можно и с ума сойти. К тому же я не собирался швырять деньгами направо и налево. Они могли понадобиться для гораздо более важных целей, чем покупка провианта.

Гораздо хуже было то, что я не мог пока вернуться домой. И подозревал, что, возможно, не смогу никогда. Но я намеревался приложить для этого все силы.

Я сидел на большом камне над дорогой, подставив лицо солнцу, когда со стороны снежных вершин показался всадник. Я был с ним знаком, звали его Касым Нахартек. Юноша ехал на маленьком мохнатом коне, зорко поглядывая по сторонам. Меня он, конечно, еще не заметил.

Не проявляя излишней осторожности, я спустился к дороге и стал посередине. Касым, который опасливо оглядывал возвышавшиеся над тропой скалы, опустил глаза и увидел меня. Он вздрогнул в седле и резко поднял лук, который по привычке охотника держал в руках. К чести юноши, он быстро сообразил, что перед ним не дичь и не разбойник, а обычный отшельник. Вернее, не совсем обычный, но и не очень страшный, если он живет в заброшенной деревне неподалеку.

– Здравствуй, Касым, – крикнул я издали. Если б я стал молчать, он мог решить, что я – горный дух. Как известно, духи могут принять любое обличье. Но говорить они не умеют, только завывают.

– Приветствую тебя, Сергей! – Он склонился в седле.

– Удачна ли была охота?

– Еду с поручением, – с места в карьер выложил юноша.

Будь я его командиром, объявил бы ему выговор. Не к лицу воину сообщать первому встречному о таких вещах. Хотя, если подумать, горская сотня, охранявшая Врата, если и отличалась чем-то, так лишь отчаянной храбростью, но никак не дисциплиной и не блестящими тактическими способностями командира. Один за всех, все за одного – но без всяких попыток упорядочить и спланировать бой.

– Зайдешь в мою хижину? – спросил я.

Касым призадумался. Я прекрасно понимал почему. Отдохнуть ему хотелось. Но входить в брошенную деревню, над которой, возможно, тяготеет проклятие... Тем более можно отговориться спешностью поручения.

– Пожалуй, я приму твое приглашение, – к моему удивлению, ответил юноша. – Путь был неблизкий.

Что ж, от Касыма всего можно было ожидать. Такой способен и в пасть к тигру ползть. Кстати, тигры сюда захаживали, хотя во времена моей молодости о них в этих местах и слухом не слыхивали. Тогда здесь вообще было спокойнее.

Молодой человек спешил, и мы поднялись в деревню. Время от времени он искоса поглядывал на меня. Я понимал, что беспокоит отчаянно храброго Касыма. Не страшно ли мне жить одному среди покинутых домов, где духи предков ищут своих сгинувших потомков?

Ищут и не могут найти... Но, спросив об этом, он невольно выдал бы, что ему страшно, да еще и подверг бы сомнению мою храбрость. Конечно, горский юноша не мог на это пойти.

Тщательно поднимая ноги, чтобы не задеть высокий порог, Касым вошел в хижину. Вошел и удивленно ахнул. Было отчего! Похоже, юноша из глухого аула никогда не видел подобного убранства сакли. Свет из маленького окошка освещал большую, во всю глухую стену картину на холсте. На ней был изображен восход солнца. Но Касым Нахартек вряд ли это понял. Это был восход не на Земле и не в Погра-ничье. Такого места не существовало уже несколько сотен лет. Алым на серебре блистали кровли могучих башен Авенора, светлого королевства, сожженного не так давно собственной звездой. С этим королевством была связана моя судьба и, возможно, судьба моего мира.

Сбоку от окна, над кроватью, висели стальной нагрудник и два боевых меча из синевато-серого сплава титана с серебром – длинный и короткий. Серебряный шлем я держал в сундуке – подальше от жадных и любопытных глаз тех, кто мог ненароком завернуть в мою хижину.

– Так ты воин, брат Сергей? – на мгновение забыв о приличиях, спросил Касым.

– Был воином. Сейчас я не добываю свой хлеб воинским ремеслом, – ответил я.

– Эта картина... Она из-за Врат? – вновь полюбопытствовал мой гость.

– Нет. Ее написал я. Долгими зимними днями, когда на улице трескучий мороз и ветер, а тропы завалены снегом, мне приходилось сидеть в хижине по нескольку дней. Тогда меня согревала память о прошлом.

– Наверное, тебе пришлось побродить по миру, – задумчиво проговорил Касым.

– Да, это так, – сказал я. – Выпей молока, дорогой гость. Или ты предпочитаешь просто-квашу?

Касым не отказался ни от того, ни от другого. Он ехал долго и проголодался.

– Все ли спокойно у Врат? – спросил я скорее из вежливости. Врата охраняли по привычке, но, кроме одиноких оборотней да редких странников, мало кто пытался незаконно прорваться мимо бдительной Сотни-у-Врат. Кому нужен мир, где все приходится делать вручную, где не стреляют ружья и не летают самолеты, где невозможно даже построить двигатель внутреннего сгорания? И, самое главное, где только лишь слышали о магии...

– Не совсем, брат Сергей, – ответил Касым, вежливым движением отстраняя очередную плوشку с овечьим молоком. – Соглядатаи докладывают, что большая армия собралась неподалеку от Врат.

– Вот как? – спросил я, стараясь казаться равнодушным.

– Я еду к княжне Валии просить об усилении отряда. Правда, воинов в княжестве мало и лучшая их часть сосредоточена сейчас у Врат. Прежде всего нам, конечно, потребуется доблесть. Для того чтобы перекрыть Привратное ущелье, достаточно тридцати человек. Но если бои затянутся, нашему отряду понадобится подмога.

– Насколько же велика вражеская армия? В здешних краях и сто человек – большое войско. А на тысячи воинские отряды считают крайне редко.

– Лазутчик говорил о трех тысячах человек, – ответил Касым, произвольно лязгая зубами. – Обученных воинов, не мародеров. Говорят, за ними стоит император Лузгаш из Страны бескрайних полей, которую выходцы оттуда именуют Луштамг. Он хочет захватить наши земли.

– Зачем ему ваши земли, если в его стране бескрайние поля? – поинтересовался я.

– Людям всегда мало, – высказал очевидную истину Касым.

Может быть, и так. Недооценивать опасность, угрожающую княжеству, которое меня приютило, и мне лично, я не собирался. Но предпринимать что-то заранее также было бессмысленно.

По всему было видно, что Касым спешит, но он все сидел. Чувствовалось, что ему очень хочется меня о чем-то спросить. Уже поднявшись на ноги, он наконец решился:

– Брат Сергей! Я не первый раз говорю с тобой. Как-то ты даже просил меня купить краски в Бештауне – теперь я понял зачем. Но я всегда полагал, что ты – монах и оттого не боишься злых духов и нечисти. Не будет ли противно твоему сану присоединиться к нашей сотне? Или к войску княжны? Что толку для мужчины сидеть одному, когда надвигается гроза?

Подобного вопроса я ожидал давно. Еще с тех пор, как сбросил со скал четверых грабителей, пробравшихся мимо стражи Врат и пытавшихся промышлять в деревне неподалеку. Но, видно, тогда слух об этом не достиг нужных ушей и заглох – такое бывает, когда плотность населения ниже определенного уровня, а контакты между людьми ограничены.

– Я не монах, а рыцарь. Но пока что я не тороплюсь присягать на верность какому-либо правителю.

Мой ответ удивил Касыма.

– Но ведь тогда тебя могут заподозрить в тайных умыслах, – понизив голос, сказал он. – Конечно, о твоём ответе я никому не скажу...

– Можешь говорить кому угодно, – перебил я его. – Мне безразлично. У меня нет умысла против своих соседей.

– Но у соседей может появиться умысел против тебя, – глубокомысленно изрек Касым, переступая порог.

Прошло около трех дней после того, как мимо моей хижины проехал посланец командира Сотни-у-Врат. Вечером, когда я собирался доить овец – занятие, по мнению Касыма, да и любого горского воина, не слишком подобающее для рыцаря и мужчины, – со стороны равнины послышался конский топот. По звуку мне показалось, что коней не меньше трех десятков. Не иначе к Сотне-у-Врат шла подмога.

Братьям из монастыря Лаодао это наверняка показалось бы смешным и суетным, но я тоже не хотел, чтобы меня застали за дойкой овец. Поэтому, решив, что животные подождут, я накинул выходной шерстяной плащ, пристегнул к поясу меч и вышел на площадку перед двором. Тридцать вооруженных воинов – сила. А я не собирался жертвовать своих овец им на шашлык. Разве молодой горский парень откажется от вечернего шашлыка, если у него на пути совершенно случайно попадет несколько бесхозных овец? Даже если возле этих овец и маячит кто-то, напоминающий их хозяина. Его ведь можно просто не заметить... Я намеревался убедить самых ретивых, что мои овцы – не жаркое. Если в этом возникнет необходимость.

Отряд двигался к горам в порядке, свидетельствовавшем о некотором знакомстве с правилами воинского искусства. Впереди скакали трое передовых, вооруженные копьями и луками. Основной отряд отстал от них метров на триста. Длинные волосы передовых всадников развевались на ветру. Посадка была изящной, нарочито грациозной. Если я не ошибался, передо мной были три девушки-воительницы из личной охраны княжны Валии. Что им нужно здесь? Неужели княжна отправила свою охрану на помощь защитникам Врат?

Девушки приблизились ко мне. Окинули острым взглядом из-под узорчатых шлемов. Не стали поднимать луки и класть руки на копьё. Ни приветствия, ни какого-либо другого проявления вежливости. Не доехав до меня метров двадцать, они развернули коней и поскакали к основному отряду.

Я остался стоять. Если нужен – подъедут, позовут. Выбегать навстречу правителям, даже самым великим, – против моих правил. А несовершеннолетняя княжна, правящая несколькими тысячами диких горцев, тем более не заслуживает такого поклонения.

Спустя несколько минут у ворот моего дома остановился десяток всадников. Остальные рассыпались по полю, заехали в деревню с тыла, бросились проверять заброшенные дома. В окружении грозных всадниц гарцевала на прекрасном коне грациозная девушка лет семнадцати. Она тоже была в шлеме и с мечом, но без панциря. Возможно, тонкая кольчуга была

надета под шелковый зеленый плащ. По всей видимости, это и была княжна Валия, но я боялся ошибиться.

– Ты тот, кто называет себя Сергеем Луниным? – нежным, но требовательным голосом спросила девушка.

– Я и есть Сергей Лунин.

– Дозволишь ли ты остановиться в твоей деревне?

– Разумеется. Ибо это не моя деревня. Ты княжна Валия?

Девушка наморщила носик, не зная что ответить. Она, естественно, привыкла, что ее не только узнают, но и спешат верноподданнически приветствовать. А вопрос, подобный моему, она вообще вряд ли когда-то слышала. Подумав немного – по рядам телохранительниц прошел шепот, – княжна сказала:

– Да, я – Валия, госпожа Эльбруса, Кавказа, Кабарды, Балкарских и Северных земель, правительница Бештауна. Я владею землями, на которых живешь ты, чужестранец. Или ты родился в этих краях, а потом долго скитался?

– Нет, моя родина не здесь, хотя и не очень далеко отсюда, – ответил я с улыбкой. – Позволь пригласить тебя, княжна, и твоих доверенных лиц в мое жилище. Там я отвечу на любые вопросы. К сожалению, мой дом слишком тесен, чтобы вместить весь отряд.

Княжна уже собралась спешиться, когда вперед выдвинулся пожилой мужчина на пегом коне.

– Ты говоришь так, будто прежде жил во дворце, овцепас, – проворчал он. – Будто бы принимать правителей с большой свитой тебе не в новинку.

Поразмыслив пару секунд, я решил, что ничего обидного в словах мужчины для меня нет. Поэтому просто ответил:

– Прежде мне случалось жить во дворце и приходилось принимать высоких гостей.

– Пустая похвальба нищего пастуха, – буркнул мужчина вполголоса. Я мог это услышать, а мог и не услышать. Я драки не искал, а потому ничего не услышал.

– Оставь насмешки, Заурбек, – приказала княжна. – Войдем под кров брата Сергея. Ты ведь монах, не так ли?

– Нет, я не монах.

– Выходит, Касым не ошибся, когда рассказывал нам о визите к тебе. Мы думали, он что-то напутал. Кто еще может жить в заброшенной деревне, если не ищущий уединения отшельник? Что ж, это интересно. Но в доме любого мужчины, если он не духовного звания, мне потребуется небольшая свита. Тахмина, Аниса, Эльфия, Адольмина, – пойдете со мной. Остальным держать стражу. Врата близко.

Княжна вошла в хижину первой. Ее я пропустил, остальным пришлось подождать, пока войдет хозяин. Поэтому только я услышал слабый вздох восхищения, который вырвался у Валии, когда она увидела картину. Спросить или сказать что-то княжна не успела – хижина заполнилась людьми. Воинственные девушки и брюзгливый советник расселись по лавкам, не дожидаясь приглашения. Впрочем, здесь это было принято. А хозяин должен был позаботиться об угощении.

Девушки, посмеиваясь, рассматривали убранство хижины. Под потолочной балкой висели большая связка лука, пучок чеснока, сухие травы. В темном углу – полка с книгами. Вот уж что редко увидишь в деревенском доме! В хижине моей эклектично смешались черты, характерные для городского жилья и наибеднейшего аула.

– Думаю, нужно зарезать пару овец, – заметил я. – Госпожа подождет, пока я буду готовить ужин для гостей?

– Скажи Касыму, из каких животных он должен готовить ужин. Он, как знаток местности, ведает в этом переходе провиантом. А сам возвращайся к нам. До нас дошло много дивных слухов...

Валия очаровательно улыbnулась. Она не сомневалась, что я в состоянии развеять или подтвердить эти слухи. Интересно какие? А Касым, похоже, получил хорошее повышение. Абы кому не дадут заведовать провиантом...

Отдав Касыму, топтавшемся в ожидании у входа, двух овец из загона, я спустился в погреб. Он был вырыт в дальнем конце двора и почти незаметен. Здесь я держал свои скудные припасы и кое-какие ценности. Сейчас как раз представился случай извлечь кое-что из тайника.

Отодвинув плоский камень, скрывавший «погреб в погребе», я вынул оттуда литровую бутылку с искрящимся вином, доставшуюся мне по случаю очень далеко от этих мест, мешочек с засахаренным виноградом и чашку с курагой. Со всем этим богатством я поднялся в хижину.

При виде бутылки советник Заурбек едва не зашипел. Еще бы – яркая этикетка с голографическим рисунком не оставляла никаких сомнений в том, что вино – нездешнее. А советник, видимо, был поборником трезвости, как требовал того ислам. В княжестве Валии мусульманская религия не была государственной, но имела достаточное количество адептов. У княжны же глаза загорелись так, словно она увидела дорогую игрушку. Конечно, в ее дворце хватало диковин. Но вино из далекого мира, да еще в такой праздничной бутылке!

Заурбек между тем не стал обвинять меня в падении нравов, а ударил по куда более уязвимому месту:

– Промышляешь контрабандой, мнимый отшельник? Поэтому и поселился в одиночестве так близко от Врат?

Валия испуганно подняла на меня глаза. Действительно, ввоз любых товаров из-за Врат должен был облагаться пошлиной. А была ли уплачена пошлина за шампанское?

– Разве я предложил тебе купить у меня это вино, уважаемый Заурбек? Я привез его издалека. Так же, как тот меч, что ты видишь на стене. Так же, как рубашку, что на мне. Но все это – мое имущество. А личные вещи не облагаются пошлиной. Разве не так?

Девушки внимательно и серьезно выслушали мою отповедь – словно бы на суде. Только Эльфия стрельнула глазами в озадаченного советника и усмехнулась.

– Я не пью вина, – объявил Заурбек, не ответив на мой вопрос. Вид у него был крайне недовольный.

– Тогда для тебя найдется молоко или ключевая вода, гость.

Пока высокая, худощавая Тахмина и миниатюрная, изящная Аниса раскладывали по тарелкам сладости, я откупорил вино. В сундуке нашлось два серебряных кубка, один из которых я предложил княжне, а другой не спешил доставать. Взять его себе – пойти против всех законов гостеприимства. Отдать Заурбеку – увольте... Выделить какую-то из девушек? А что, почему бы и нет...

Поэтому и второй кубок был выставлен на стол. Он достался светловолосой красавице Эльфии. Носик ее был капризно вздернут, яркие зеленые глаза лучились смехом, пышные кудрявые волосы перехвачены лентой цвета бутылочного стекла. Шлем девушка, видимо, оставила на седле. Эльфия отличалась от остальных телохранительниц княжны. Девушка была ярко выраженного славянского типа. Только имя местное. Или не местное, а из совсем дальних краев?

Я постарался, чтобы кубок попал по назначению, поставив его по правую руку от девушки. Она искоса взглянула в мою сторону и опять лукаво улыbnулась – все поняла. Я улыbnулся в ответ уголком рта:

– Рад приветствовать владительную княжну Валию в своем доме!

Подняв глиняную плошку, я пригубил шампанское. Конечно, пить его из кубка гораздо приятнее. Но, по большому счету, важен не сосуд, а его содержимое.

– У себя в государстве княжна нигде не в гостях, – продолжал брюзжать Заурбек.

– Ты прав, мудрый, – ответил я. – Но скажи любой подданный княжны, что он рад ее приветствовать в ее собственном доме, когда они не во дворце, получится довольно двусмысленно.

– Поэтому ты должен молчать и слушать знающих, подозрительный чужеземец, – скринулся Заурбек.

– Нет, не надо молчать, – прервала ворчание своего советника Валяя. – Расскажи нам, Сергей, ты и правда странствующий рыцарь?

– Нет. Странствующие рыцари рыщут по свету, а я живу в этой хижине больше полугода. Поэтому странствующим меня никак не назовешь.

– Но ты воин?

Я промолчал. Не потому, что хотел произвести эффект. Просто мне было трудно ответить на этот вопрос даже себе самому. Однако надо было что-то сказать.

– Пожалуй, так, – ответил я. – Ведь занятия философией не в счет – они никогда не приносили дохода...

– Почему тогда ты не поступил на службу к княжне? – тут же вмешался Заурбек. – Вернее, не попытался поступить – вопрос еще, возьмут ли тебя...

– Может быть, рыцарь только ждет предложения? – маняще улыбнулась Эльфия, стрелнув в мою сторону большими зелеными глазами.

От ее нежного, зовущего голоса у меня по коже побежали мурашки. Оставалось надеяться, что этого никто не заметил.

– Или он привык сражаться с драконами, которых у нас нет? – легкомысленно рассмеялась полнотелая Адольмина. Ей доспехи совсем не шли – сразу видно, княжна держала ее при себе не за боевое искусство. На челе девушки знающий мог прочесть незаурядный ум.

– Скорее всего, он просто лазутчик, – продолжил свою мысль Заурбек.

Наглый советник уже начал меня раздражать.

– Если бы я был лазутчиком, я постарался бы узнать о войсках этого государства изнутри! Зачем выделяться, жить вдаль от людей? Я и в Бештауне-то был только один раз...

– В этом и заключается твой коварный план, – потер руки Заурбек. – Усыпляешь бдительность.

Я не ответил. Княжна мягко улыбнулась:

– Может быть, ты и вправду хочешь поступить на службу? Воины не получают большого жалованья, но пользуются определенными привилегиями...

– Ваш слуга ищет покоя, – смиренно опустив голову, ответил я.

Ответ княжне не понравился. По понятиям ее народа, такое поведение нестарого еще мужчины было предосудительно.

– Здесь ты вряд ли его найдешь, – ответила она. – Темные силы грозят нам из-за Врат.

– Тот, кто хочет, найдет истинный покой даже среди битвы, – ответил я.

Девушки замолчали, обдумывая довольно тривиальную сентенцию. А я еще раз наполнил кубки и плошки – в литровой бутылке было много вина.

Не спрашивая разрешения госпожи, Эльфия поднялась и подошла к картине. Довольно долго она молча разглядывала ее, даже привставала на цыпочки, чтобы увидеть высокие, плохо освещенные углы.

Я же разглядывал стройную девушку и сделал весьма интересное с точки зрения этнографии наблюдение: телохранительницы княжны Бештауна носили черные шелковые чулки. Во всяком случае, Эльфия носила. Сколько бы вы ни изображали из себя отшельника и аскета, если вы нормальный мужчина, такие вещи всегда будут вас занимать. Кроме того, несмотря на постоянные разъезды верхом, девушка не была кривоногой. Напротив, под юбкой угадывались ножки чрезвычайно соблазнительной формы.

– Что изображено на этой картине, сэр Лунин? – насмотревшись вдоволь, спросила Эльфия. Ее полные губы были полуоткрыты, словно девушка хотела попробовать картину на вкус.

– Восход далекого и прекрасного солнца в давние, но незабвенные времена. В сгнувшей ныне стране.

– Ты, случаем, не улигэрч?¹ – Заурбек, обожравшийся кураги с кислым молоком, сыто отрыгнул. – Или просто любишь наводить тень на плетень?

Я охотно рассказал бы о сияющем Авеноре, изображенном на тусклом холсте, Эльфии или ее госпоже, но мне совсем не хотелось распространяться об этом прекрасном крае при Заурбеке.

– Я не пою и не пляшу, если тебя интересует это, – нахмурившись, ответил я Заурбеку. – Но больше всего скромный отшельник, в доме которого вы оказались, любит покой, – вновь повторил я, опустив глаза.

Похоже, девушек такое поведение хозяина бедной сакли обидело. О себе я говорил мало, спрашивал и того меньше. Очень скоро Валя и ее телохранительницы прохладно попрощались со мной и отправились в дома, которые подготовили для них обозные слуги. Я был приглашен на ужин к костру княжны, но не пошел – нужно было доить овец. Сочтя мое поведение крайне невежливым, Валя уехала утром не прощаясь. А может быть, у властительных особ Бештауна просто было не принято раскланиваться каждый раз при встречах и расставаниях со всякой рванью.

Княжество Бештаун, или Горная страна, как предпочитали называть ее некоторые местные жители, насчитывало около двухсот тысяч жителей. Они жили в нескольких городках и многочисленных аулах, разбросанных по предгорьям. Земля на равнине была плодородной и кормила тех, кто обрабатывал ее. На склонах гор, как и много столетий назад, паслись овцы, козы и мохнатые низкорослые коровы.

С юга и с запада Горную страну защищали заснеженные горные хребты. Некоторые были старыми, другие поднялись не так давно – во время Великого Катаклизма. Тогда же была дотла выжжена земля на севере и на востоке, сметены шквальными ветрами и огненными смерчами стоявшие там города.

Пустыня со спекшейся почвой простиралась на многие дни пути. Говорили, что за бескрайними пустынными пространствами живут люди, есть могучие княжества, но вести оттуда приходили редко. Случайные путники, забредавшие с севера, после многодневных блужданий по пустыне были не в себе, и доверять им не следовало. Конечно, от великой России должны были остаться и другие населенные области. У Северного моря, на Волге, в Сибири. Но вестей оттуда не было.

На востоке, до самого Китая, выжженная земля чередовалась с оазисами, поднявшиеся на равнине горы – с глубокими, в несколько сот метров трещинами в земле. Тем не менее из Китая время от времени приходили торговые караваны. Не в Горную страну, конечно. Здесь не было товаров, из-за которых стоило проделывать столь далекий и трудный путь. Караваны шли к Вратам, стоящим на Эльбрусе.

Эти Врата открывались в другой мир, Рамсворд. Не слишком населенный, не слишком благополучный, но имеющий связь с другими мирами. Там действовала магия, и достаточно сильный чародей, путешествуя пешком, мог попасть оттуда в любую точку всего многообразия стран и открытых миров. Планета Земля со времени Великого Катаклизма была надежно отрезана от других плоскостей мира. Побочный эффект проклятия разума или благословения небес – это уж как посмотреть на то, что произошло несколько столетий назад в нашем мире.

Естественно, через Врата на Землю привозили самые разные товары. Княжество Бештаун неизменно брало за их ввоз высокую пошлину, уклонение от ее уплаты было тяжким государственным преступлением. Княжество жило благополучно во многом благодаря торговым пошлинам. Именно поэтому Заурбек с такой радостью ухватился за мое шампанское. На выру-

¹ Улигэрч – певец-сказитель.

ченые деньги содержалась армия, создавалось ополчение и нанимались отряды китайцев, охранявшие караванные тропы. Одна беда – Бештаун брал с купцов пошлины, но мало что мог предложить на продажу. Простые крестьяне – земледельцы и скотоводы жили бедно.

Многие люди с Земли уже давно ушли за Врата, и ушли навсегда. Ведь в мире, где не действует магия, жить во сто крат сложнее, чем там, где магия есть. Но не только в отсутствии магии, без которой невежественные земляне обходились многие сотни лет, заключалась проблема моей родной планеты.

Если к этому прибавить тот факт, что на планете не работали двигатели внутреннего сгорания, не взрывался порох, а законы Ома перестали действовать так, как прежде, что привело к невозможности эксплуатировать электростанции, вы поймете, что Земля стала захолустьем, из которого бежал каждый, кто только мог.

Я, напротив, вернулся. Точнее, меня забросило сюда, и у меня не было иного выхода, кроме как бороться вместе с жителями родной планеты, родного мира. Пророк Асу, с которым я встретился на Лиме, объявил, что я смогу вернуться домой только из дома. Пришлось поверить ему. Ведь и сам я придерживался сходной точки зрения. Чтобы войти куда-то, нужно сначала подойти к входу.

То место, где я когда-то родился, затопили соленые моря, вокруг него лежали выжженные пустыни. Поэтому я обосновался поблизости – рядом с горой Бештау, возле которой некогда били горячие источники. Теперь они иссякли. Думаю, причиной этого был все тот же Катаклизм.

К Кавказскому хребту примыкала теперь цепь новых гор – Черных, или Ледяных, – разные народы называли их по-разному. Сам хребет стал выше и тянулся теперь дальше на север. За ним лежало государство, без ложной скромности именуемое Славным, которым сейчас правил отец Кондрат, митрополит православной церкви. Там обитало достаточно много настоящих монахов. Именно их существованию я был обязан славой отшельника. Временами монахи перебирались-таки через горы. Некоторые селились в одиночестве в диких теснинах.

Монахи правили Славным государством, но жили в нем самые обычные люди. Относительно названия государства за горами ходили разные слухи. То ли его называли так потому, что там жили уцелевшие славянские народы, то ли по православной религии монахов-правителей, то ли по славному образу правления, когда власти заботились прежде всего о простом народе, а потом уже о собственном благополучии. О правителях Славного государства и населяющих его людях я слышал много хорошего. Они были образованны, жили богато, но не делали из богатства культа. Их донимали постоянными вылазками уцелевшие после всех катаклизмов нищие и голодные турецкие пираты.

Впрочем, из-за высоких заснеженных гор Бештауну проще было торговать с Китаем, чем с соседями, язык которых был понятен почти всем бештаунцам. Китайские караваны, как я уже упоминал, приходили к нам сами. Они шли с северо-востока, через Калмыкию, где осталось несколько оазисов в степи. Потом караваны поворачивали на восток, преодолевали просторы южной Сибири и огибали Гималаи. Путь был долг и труден.

От китайцев жители Бештауна знали и о других Вратах – в горах Южной Америки. Те Врата вели в Тескалеп, и из них выползало порядочно всякой нечисти – их никто не охранял. Но китайцев это не смущало, и время от времени они предпринимали экспедиции в тот уголок планеты. Ведь через Врата можно было попасть в Большой Мир!

Замечательно, но факт – до любых Врат китайцам приходилось добираться с огромными трудностями. А кроме китайцев, по большому счету, Врата не были нужны никому. Только одиночкам, алчущим приключений, новых ощущений и, конечно, магии, о которой они не имели ни малейшего представления.

Пройдя через Врата, выходцы с Земли оказывались в полной зависимости от не очень честных проводников Рамсворда или Тескалепа, пограничных с Землей миров. Но не всегда

их обманывали. Некоторые смогли-таки добраться до благословенных краев, где и Врата считаются сказкой, и о Земле, а также о случившихся здесь событиях помнят только мудрейшие из мудрых.

Лязг и крики доносились с запада, с гор. Билась ли то сотня, охранявшая Врата? Секли ли под грохот оружия провинившихся? Или ветер в горах порождал страшные звуки? Сложно сказать – до гор было далеко.

Но когда солнце скрылось за скалами, топот одинокого коня нарушил вечернюю тишину долины. Этот топот, да редкое блеяние овец, да посвист ветра – вот и все, что я слышал тем вечером.

А с первой вечерней звездой на дороге появился всадник. Он то и дело опускался на гриву коня, потом словно просыпался, садился ровно и снова начинал клониться. Голова его была разбита и не перевязана. В раненом воине я с трудом узнал Касыма.

– Что случилось, Нахартек? – крикнул я еще издали.

Он словно бы не услышал. Потом его блуждающий взор поднялся, остановился на мне, и он прошептал:

– Беги. Спасайся. Нужно предупредить людей в Бештауне.

Я снял слабо сопротивлявшегося юношу с уставшего коня.

– Враги? Они бьются с Сотней-у-Врат?

– Сотни больше нет, – ответил Касым. – Айтан послал меня на позор. Сам он с тремя воинами остался отбиваться от недругов, а мне приказал скакать в Бештаун. Мы не смогли остановить врагов.

– Сколько их было? Тысяча? Три тысячи?

Касым закинул голову и хрипло расхохотался:

– Тьмы и тьмы. Каждый из нас убил по меньшей мере пять воинов, но их не убавилось. Может быть, через Врата прошло пять тысяч. Может, десять. Я никогда не видел такого огромного войска. Все вооружены. Армия. Не грабители. Закованные в броню сотни пехотинцев. Двадцатки легких конников. Тяжелая кавалерия, идущая в атаку ромбами. Отряды с мощными катапультами, баллисты...

Касым закашлялся и кашлял долго и тяжело, выплевывая вместе со слюной кровь и пыль.

– Врата сияли несколько часов кряду, когда их войско шло на нас. Мы заперли их в теснине. Но заснеженная теснина почернела от воинства, заполнившего ее. Они пробились. Расстреляли из катапульта лучников и пращников, засевших в горах. Опрокинули наших всадников. Прорвались через заграждения. Крепости в ущелье больше нет. Ее сожгли и разметали бревна по ветру...

Похоже, храбрый Нахартек начал бредить. Я напоил его и приказал:

– Скачи дальше. Доберешься до первой деревни – труби тревогу.

– А ты, брат Сергей? Ты разве не намереваешься спасаться? У тебя нет коня – уходи пешком. Сейчас они никого не оставят в живых. Их главная цель – внезапность!

– Мне ничего не остается, как попытаться задержать их, – спокойно ответил я. – Лузгаш собирается захватить этот мирный край, чтобы до него не добрались светлые силы. Что он сможет сотворить здесь – подумать страшно. Ведь просто так войной на бедные, малонаселенные страны никто не идет. Скорее всего, Лузгаш хочет установить здесь Черную тиранию. Этого нельзя допустить. Пусть княжна собирает ополчение, зовет на помощь армию отца Кондрата, ставит под ружье все племена. Потому что вас действительно не ждет ничего хорошего, если Лузгаш захватит Врата и вашу страну. Ни вас, ни кого-то другого.

– Врата он уже захватил, – прохрипел Касым.

– Контролировать Врата у него не получится. А вышвырнуть его с нашей земли в тот мир, который его породил, мы сможем. Скачи, храбрый Нахартек. И не повтори ошибки, которую допустил гонец царя Леонида.

Не знаю, понял ли меня молодой человек. Он поднялся в седло и медленно поехал дальше по ущелью. Я поспешил в хижину.

Я сорвал со стены оба меча, надел нагрудник и наручи, достал из сундука шлем и сапоги со стальными накладками. Ничего лишнего. Никаких плащей, никаких длинных рукавов на рубахе. Давно не приходилось сражаться в доспехах. Но сейчас предстоял бой, где и шлем, и наруч может стать оружием. Пары мечей мало для нескольких сотен нападающих.

Неподалеку от деревни дорога проходила между двух огромных скал. Расстояние между ними было метров двадцать, проезжая часть дороги – метра два. Слева ревел глубокий и бурный в этом месте Баксан. Идеальное место для того, чтобы встретить вражеский отряд.

Облачившись в доспехи, я вышел на дорогу и стал посередине, между скалами. По привычке подставил руки под свет молодой луны и тусклых звезд, но здесь он не давал живой силы. Враги, которые наверняка собирались преодолеть теснину Баксана сразу после перехода через Врата, где-то задерживались. Охранная сотня, вставшая на их пути, расстроила планы Лузгаша. Теперь дорогу им собирался преградить я.

Надеялся ли я, что смогу остановить целую армию? Верил ли в свою победу? И да, и нет. Я был один, в чужом краю, который мне понравился, но где меня не считали за своего. Мне неоткуда было ждать помощи и поддержки. Надеяться я мог только на себя.

За моей спиной мирно спали люди, большинство из которых казались добрыми, трудолюбивыми, отзывчивыми и чуткими. С гор надвигалось большое зло. И я, если б даже был уверен, что мне суждено погибнуть, все равно не побежал бы спасаться в горы. Что бы ни случилось, я дождусь передового отряда врагов и остановлю его. А потом буду сдерживать вражескую армию – столько, сколько получится. Возможности любого человека небеспределельны, но я сделаю все, что в моих силах.

Я не ждал, что благодарные жители долин сложат обо мне песни. Красиво прожитая жизнь – лучшая песня. А если я не смогу задержать армию хотя бы на час, обо мне даже никто не узнает. Значит, я был недостаточно подготовлен, значит, прожил жизнь не так, как надо. Но какое это имеет значение? Главное – выполнить долг. Долг, как я его понимаю. Поступать сообразно обстоятельствам, но так, как того требует твоя честь.

Не всегда я следовал заветам монастыря Лаодао, где провел несколько трудных и наполненных лет, но сейчас был уверен – и учителя, и товарищи поддержали бы меня в моем решении защитить мирную страну. А если кто думает, что лучше сейчас спастись бегством, чтобы бороться потом в другом месте, в лучшее время, то пусть об этом и не заикается. К врагу нужно поворачиваться лицом. И достойно принимать смерть, если не остается ничего другого.

Они появились за полночь. Передовой отряд, тридцать человек в легких доспехах на быстрых скакунах. Элита войска. Летучий разведывательный отряд.

Благодаря промедлению вражеских сил я отлично подготовился к бою. Я был быстрее, чем они могли себе представить, сильнее, чем казался со стороны. Благодаря упорным тренировкам я мог в одно мгновение продумать и осуществить множество комбинаций.

– Стойте! – громко приказал я, когда до всадников оставалось метров тридцать. – Поворачивайтесь обратно, или ваш отряд будет уничтожен.

Не думаю, что они меня поняли. Но появление воина с обнаженным оружием на пути вооруженного отряда говорило само за себя.

Враги закричали, загикали и пустили коней вскачь. По всей видимости, они думали затоптать меня и вырваться на открытую местность. Они полагали, что в скалах засели стрелки или пращники.

Они ошибались во всем – и в том, что их ждет засада, и в том, что одинокий воин им не помеха.

Три седла опустели сразу же. Лошади помчались дальше по ущелью. Я сделал четвертый выпад и взмахнул мечом перед мордой коня. Вороной шарахнулся назад, унося мертвого седока, внося смятение в ряды нападающих. Пятый всадник рванул узду и вздыбил лошадь. Чтобы меня не растоптали, пришлось сместиться, выполнить от земли «прыжок лосося» и выбить его из седла ногой.

Командир, шедший где-то в середине отряда, решил, что его воинов обстреливают, и, надрывая глотку, приказывал скакать быстрее. Но сумятица, вызванная гибелью передовых воинов, продолжалась.

Мне удалось проникнуть в гущу всадников. Конечно, маневрировать среди скачущих и вертящихся на месте коней, все время уворачиваться от их быстрых, мощных копыт – занятие малоприятное. Но медлительные по сравнению со мной всадники, не ожидавшие нападения с близкого расстояния, были практически беззащитны. Началась настоящая бойня. Не скажу, чтобы она доставляла мне удовольствие. Но кто-то должен делать грязную работу.

Добраться до командира было делом двух минут. Он успел вынуть короткий кинжал, сообразив, что сабля ему не поможет, но большего я ему не позволил. Кинжал вылетел из его руки после встречи с моим коротким мечом, а длинный меч пробил горло над кольчугой.

Двадцать четыре воина были выбиты из седел и лежали на земле. Оставшиеся шесть поскакали назад. Хорошо бы остановить их, но погоня сразу за шестью всадниками, уносящимися галопом, потребовала бы слишком большого расхода энергии. А мне предстояла трудная ночь.

Почти все лошади, к моей радости, помчались из ущелья в сторону Бештауна. Возможно, немного позже я смогу обзавестись конем. Если выживу. Да и обитатели Баксанского ущелья станут богаче. Но сейчас мне было удобнее сражаться пешим. Бой только начался. Враги приплот сюда кавалерию, лучников и катапульты.

Я вернулся к трупам. Конечно, приятнее было бы обойтись без их общества. Но они находились на самом удобном для боя месте. Пройди я вперед или назад по ущелью – врагам будет легче обходить меня с разных сторон. А перетаскивать трупы, чтобы сбросить их в бурный поток Баксана, – лишний труд. Поэтому я еще раз осмотрел место предстоящей битвы, отметил положение каждого предмета, решил, что буду считать трупы «мягкими камнями», и приготовился встретить новых врагов.

В это время один из «мягких камней» пошевелился и издал слабый звук. Это был тот самый воин, которого я выбил из седла ногой. Мне показалось, что я зашиб его кованым носком сапога, но он все-таки очухался. Что ж, можно было провести время с пользой.

Воин был сравнительно молод, не старше меня. Шапка из волчьего меха, кривая сабля, небольшой лук, деревянные пластины на груди.

– Говори, какой приказ получил ваш отряд, – приказал я, слегка пнув его ногой.

Он презрительно, одними углами губ усмехнулся и ничего не сказал.

– Напрасно ты считаешь меня покойником, – заметил я в ответ на его презрительную усмешку. – Ты станешь им раньше, если будешь молчать. А если протянешь время, то можешь дожидаться победоносной армии своего повелителя.

– Чтобы меня распяли как попавшего в плен? – тихо прохрипел он. – Лучше убей меня сразу.

– Могу и не сразу, – пригрозил я.

– С палачами Лузгаша тебе не сравниться.

– Как знать, как знать...

Что и говорить, состязаться с палачами я не собирался – невелика честь, – но напугать врага никогда не помешает.

– Послушай, я отпущу тебя, и ты уйдешь вниз по ущелью, где сдашься воинам. Тебя не убьют. Но ты должен рассказать мне все, что знаешь.

– Если я предамся врагам, меня будут пытать особенно изощренно. Лучше умереть на колу или на столбе.

Похоже, мой пленник не верил, что его повелитель может потерпеть поражение.

Что ж, к пленному противнику следует относиться по возможности мягко. Стараясь сделать это максимально безболезненно, я всадил короткий меч в его сердце. Двадцать четвертый «мягкий камень» обрел покой, так что от него можно было не ждать неожиданностей в предстоящей битве.

Топот копыт стих вдалеке. Еще дальше шумело большое войско. Но оно, насколько я понял, не двигалось пока в мою сторону. Я отошел от облюбованного места, прилег на траву и задремал. Сквозь сон я внимательно вслушивался в ночные звуки.

Утром в атаку пошла тяжелая кавалерия. Меня они, видимо, приняли за чучело или за приманку.

«В каждой войске свои обычаи. Может быть, у здешних так принято – выставлять одинокого меченосца у места, где они устроили засаду», – подумали, наверное, нападающие.

Они подняли большие щиты над головами, чтобы их труднее было поразить со скал дротиками, стрелами или метательными копьями. За кавалерией шел отряд лучников. Меня, открыто стоявшего посреди дороги, они снова не брали в расчет.

Я еще раз крикнул им остановиться, и они опять не послушались. Правда, на этот раз не было рева и хохота. Враги двигались молча, напряженно оглядываясь по сторонам.

Когда до первых рядов кавалерии оставалось метров десять, я сделал несколько шагов навстречу всадникам и ударил мечом в прорезь шлема воина, который намеревался смахнуть меня с дороги булавой как досадную помеху.

Такая же участь постигла двух его товарищей – они даже не успели поднять оружие.

Недостаток тяжелых доспехов – маленький угол обзора. Прежде чем кавалеристы сообразили, откуда приходит смерть, двадцать из пятидесяти валялись на земле. А для меня самым трудным было уклоняться от обезумевших лошадей. Они двигаются гораздо быстрее людей, их движения не так предсказуемы, копыта сильны и быстры, а убивать невинных животных я не хотел. Они ведь не питали ко мне никакой злобы... К тому же это потребовало бы много дополнительного времени. Некоторые кони срывались в бурный поток Баксана и тут же тонули. Сильное течение сразу утаскивало их на дно.

Всадники попытались опустить щиты, закрыться ими от моего натиска, но сплошную стену они выстроить не смогли, и через десять минут полегли все. Лучники, оставшиеся без прикрытия, испуганно попятились. Они привыкли биться издали, расстреливая из дальнобойных луков врага, когда он не угрожал их шкурам. Сейчас человек с мечом оказался слишком близко.

Некоторые побежали, другие послали свои длинные стрелы прямо в меня. Точнее, в то место, где я только что стоял. С тяжелыми бронебойными стрелами шутки плохи. Самый лучший доспех от них не защитит, отбить их мечом трудно. Особенно если стрелы идут одна за другой. Я уклонялся, пользуясь тем, что стрелы летели не сплошным потоком.

Минута – и я добрался до лучников, которые не успели вынуть свои кинжалы. На них почти не было доспехов. Вновь началось избиение. Дерясь с лучниками, я вынужден был выйти из теснины. Теперь на меня можно было напасть со всех сторон.

Высокий всадник в золотой кольчуге – вряд ли сам Лузгаш, но, скорее всего, его близкий подручный – приказал отряду конников напасть на меня сбоку. Вид у него был ошеломленный. Что же до его бойцов, то многие были явно охвачены паникой.

Рассеяв лучников, я в несколько прыжков вернулся к ущелью. И началась рубка. Некоторые всадники из личной охраны вождя владели мечом неплохо, гораздо лучше воинов обычного ополчения. Притом их было много – человек пятьдесят. Мне пришлось перейти на следующий уровень сознания, ускорить движения, вдвое повысить внимательность.

Через пятнадцать минут всадники были уничтожены. На поле боя воцарился бедлам. Обезумевшие кони, вопящие в истерике бойцы, хрипло орущий приказ командир, предсмертные хрипы тех, кого не удалось поразить с одного удара.

Перепрыгнув через пару лошадей и промчавшись по трупам, я попытался догнать всадника в золоченых доспехах. Но он, забыв о воинской гордости, повернул коня и умчался прочь быстрее ветра. За ним с завываниями неслись остатки его воинства. После бегства командира ни один не осмелился повернуться к смерти лицом. Я не стал гнаться за бежавшими – пусть поработают палачи Лузгаша. О порядках в его войске я уже имел представление.

На земле было просто некуда ступить – всюду валялись неподвижные тела, растекались лужи крови.

Я отошел к реке и напился. Страшно хотелось есть. Энергии было потрачено очень много, но я знал, что запасов организма мне хватит еще на три часа интенсивной работы. Набивать желудок сейчас не стоило, даже если бы такая возможность имелась. Пищу нужно переварить, в не переваренном состоянии она отягчает движения. Именно для экстремальных случаев организм и создает запасы энергии в виде подкожного жира. За последние двенадцать часов я похудел килограммов на восемь.

Еще несколько часов я ждал. Позади меня, в долине, как будто началось беспокойство. Трубили рога. Раздавался гулкой топот. Из этого я сделал вывод, что Касым добрался до населенных мест и поднял тревогу. Жаль только, ополчение не успеет сюда добраться. А те жалкие десятки легковооруженных воинов, что выставят ближайшие деревни, будут опрокинуты за две минуты.

Впереди все отчетливее слышался лязг, гул и топот множества копыт, ступавших по холодным камням дороги вверху, в горах. На ущелье впереди упали лучи заходящего солнца, и сразу стали видны шлемы, и щиты, и поднятые пики, и обнаженные мечи. Основные силы армии Лузгаша шли в атаку.

Людей было действительно много. Не тьмы и тьмы, как рассказывал Нахартек, но наверняка больше двух тысяч. Лузгаш вел в бой основной отряд.

Перед входом в теснину, которую я удерживал, войско перестроилось. Выставив перед собой пики и загородившись щитами, вперед пошел отряд тяжелой пехоты. Легковооруженные воины крались вдоль бурного Баксана, влезали на скалы, чтобы напасть на врага сбоку. Плотный строй имеет один существенный недостаток: в нем негде повернуться. И если тебе удалось в строй вклиниться, ты становишься королем положения. А уж в монастыре Лаодао нас учили разбивать самые сложные построения. Непроступного строя не бывает вообще. А солдаты армии Лузгаша шли даже не в ногу. И зачем-то выставили вперед свои длинные пики. Как будто я собирался бросаться на них грудью.

Я не торопясь подошел к ошестинившемуся строю, схватил первую попавшуюся пику и выдернул ее владельца наружу. У него не хватило ума выпустить оружие, и он упал под ноги собственным товарищам, которые тут же его и истыкали. Видимость из-за больших щитов была неважной. А я занял место неудачника. Идущий следом копьеносец сделал довольно шустрюю попытку достать меня кинжалом, но, поскольку я ждал любых неприятностей, его планы сорвались, а он упал на дорогу. Брешь в строю начала стремительно расти. Скоро строя как такового уже не существовало – лишь отдельные тяжеловооруженные солдаты. Нет на поле боя существа более беспомощного, чем одинокий пеший воин в тяжелой броне. Его могут забить дубинами даже неповоротливые крестьяне.

Скоро элитного отряда пехотинцев Лузгаша не стало. В бой, подгоняемые собственными заградительными отрядами, пошли обычные части. Их было очень много. А если учесть, что время от времени в меня стреляли из луков – попадая, как правило, в своих, – мне пришлось очень тяжело.

Мечи из лучших сплавов начали тупиться. Наручи и нагрудник были измяты и изрублены. Некоторые удары, которые не грозили жизни и попадали в доспех, приходилось пропускать. Отбивать каждый удар и уклоняться от всех выпадов было просто невозможно.

Несколько десятков воинов прорвались-таки мне за спину. Но удача эта была сомнительной – они просто не знали, что делать дальше. Возвращаться в мясорубку им не хотелось, а врагов в поле зрения больше не было. Они не слишком мне мешали. Тыл все равно приходилось контролировать. Да и драться с воинами Лузгаша только лицом к лицу не получалось. Такие церемонии – для поединка один на один. В бою против многих приходилось и заходить им в тыл, и бить в спину, и нападать сбоку. Я крутился как волчок, теряя кровь и энергию.

Двум резвым пехотинцам удалось оцарапать мне щеку и кисть левой руки. Следствие моей небрежности. Удары были самые обычные, предсказуемые, и именно поэтому я не придал им значения. А они чуть не достигли цели. Из порезов толчками лилась кровь. Я не боялся боли и того, что рука станет хуже слушаться. Но с каждой каплей крови из тела уходило несколько калорий драгоценной энергии. Это было хуже всего.

Не знаю, сколько врагов полегло в ущелье Баксана от моей руки. И не хочу знать. Их смерть не доставила мне никакого удовлетворения, ибо зло, которое они несли, было абстрактным. Я просто делал то, что должен был делать. Тяжелую, опасную и утомительную работу.

Бой шел уже два с половиной часа. Солнце клонилось к горизонту. Еще немного – и мои силы полностью иссякнут. Я вплотную подошел к порогу, перейдя который вернуться в реальный мир будет уже невозможно, даже если меня не убьют. Движения мои пока не замедлились, реакция не ослабла, но энергия заканчивалась. А воины Лузгаша лезли как муравьи. Кучи тел лежали в узком месте ущелья, немного меньше – на поляне перед тесниной.

Еще несколько минут – и мне придется умереть или отступить. Притом неизвестно, удастся ли мне убежать, когда я приму такое решение. Если Лузгаш бросит значительные силы, чтобы поймать своего единственного противника, мне не спастись.

А тут еще прорвавшиеся счастливики решились броситься в атаку, возвращаясь обратно. Какой смысл было тратить столько усилий, проплывая по бурлящему Баксану, проскальзывая мимо моих мечей, чтобы вновь вернуться к своим?

На мгновение я поднял взгляд, всматриваясь в глубь теснины, которую защищал, и понял, что ужаснуло моих врагов. Со стороны Бештауна прибыл наконец отряд подкрепления. И это были не лучники и не храбрые, но плохо вооруженные джигиты из близлежащих деревень. И даже не амазонки княжны Валии.

Сомкнув строй, к месту боя продвигались всадники с овальными щитами и длинными прямыми мечами, сиявшими алым в лучах закатного солнца. Из-под высоких стальных шлемов грозно сверкали суровые глаза. Топорщились черные и седые стриженные бороды. Витязей было человек пятьсот. А за ними шли телохранительницы княжны и воины ополчения.

Со стороны армии Лузгаша хрипло затрубили рога, и его войско обратилось вспять.

Я ждал приближения суровых витязей. Кто они такие, легко было понять. Помощь с другой стороны хребта, из Славного государства, чудом успевшая одолеть заснеженные перевалы. Воины отца Кондрата. Как только они успели прибыть в Бештаун? С ближайшей военной базы славян до Бештауна – четыре дня пути. И то если стоит хорошая погода и перевалы открыты. Да и отсюда до Бештауна идти минимум два дня. Может быть, Валия вызвала их еще до нападения, когда Касым обратился за помощью в первый раз? Иначе их появление никак не объяснить.

Кавалерия славян быстро перестроилась при входе в узкую теснину. Воины насторожились, напряглись, видя следы жестокой сечи, но ни одного живого. Кроме меня, конечно. А меня они могли и не заметить – я присел на камень рядом с рекой, экономя каждую калорию, каждый квант энергии.

Подойдя вплотную к ратному полю, один из передовых всадников закричал:

– Есть кто-нибудь живой?!

– Есть, – достаточно громко, чтобы меня услышали, ответил я.

– Кто ты? – в той же манере глашатая спросил всадник. – Воин ополчения или человек коварного Лузгаша?

– Я – Сергей Лунин. Княжна Валия меня знает.

– Что здесь произошло?

– Битва, – коротко ответил я.

– Наши воины потеснили армию врагов?

– Они ушли сами, увидев вас, – ответил я.

– Спасся один ты? – поинтересовался глашатай.

– С этой стороны – да.

Конный строй двинулся дальше по ущелью, а меня окружили воительницы из личной охраны Валии. Чуть позже на белой резвой кобыле подъехала и сама княжна.

– До меня дошли странные слухи, воин, – проговорила она. – Дозорный рассказал, что в ущелье идет бой. Он не понял, кто с кем бился. Мы подумали, это повздорили между собой воины Лузгаша. Но он уверял, что армию наших врагов удерживает один непобедимый витязь. Может быть, ты объяснишь, что случилось здесь на самом деле?

– Непобедимых витязей не бывает, – устало заметил я. – А воины Лузгаша действительно живут не очень дружно. Его армия остановлена, но не разгромлена. Боюсь, силы Темного короля все равно превосходят ваши.

– Ты не ответил на мой главный вопрос, – нахмурилась княжна.

– Если я скажу, что остановил их сам, твой советник Заурбек никогда этому не поверит и будет обвинять меня во лжи. И тогда мне придется убить его, потому что таких оскорблений я не прощаю. А мне не хотелось бы убивать твоих слуг. Придумывать же более правдоподобное объяснение я не хочу.

Валия внимательно посмотрела на мои иссеченные доспехи, затупленные мечи, которые я так и не спрятал в ножны, окинула взглядом поле брани и вдруг опустилась на колени:

– Прости меня, Великий Эрлик! Я не узнала тебя в человеческом облике и была дерзка.

Я поднял княжну, с трудом удержался от желания похлопать ее по спине или обнять на виду у слуг и тихо сказал:

– Я не Эрлик. И даже не его посланец. Я просто очень долго жил в других краях и многому научился. Позволь мне отдохнуть, княжна. Извини, если мое желание покажется тебе приземленным, но прикажи выдать мне походного провианта недели на две. Мне нужно восстановить силы. И прикажи кому-то позаботиться о моих овцах.

– Ты покидаешь нас? – удивленно вскинула брови княжна.

– Конечно, – раздался справа от меня дребезжащий голос советника Заурбека. – Соглядатай должен вернуться к своему хозяину.

– Подавись своими лживыми словами, Заурбек, – спокойно сказал я.

Советник остолбенел от такой дерзости. Я уточнил:

– Если я обидел тебя, то ты можешь выйти против меня на бой прямо сейчас. Потому что ты только что оскорбил меня, но сам вызывать на бой такую падаль, как ты, я не собираюсь.

Видно, что-то в моих словах или в выражении лица дало понять кичливому советнику, что сейчас со мной лучше не связываться. А скорее всего, его убедили горы трупов в ущелье. Он смолчал и отошел с видом побитой собаки.

– Тебе выдадут все необходимое, – испуганно прошептала княжна. Похоже, я уже не раздражал ее, как при первой нашей встрече, а внушал страх.

– Хорошо, если бы все это принесли прямо сейчас. Мне нужно уйти срочно.

Валия кивнула, и минут через пять какая-то из ее телохранительниц – кажется, начальница гвардии Тахмина – подала мне мешок. В глазах у меня словно стоял туман. Некоторых людей я просто не узнавал.

Мешок я перекинул через плечо, коротко кивнул княжне и ее свите и полез в горы.

Со стороны мое поведение могло показаться странным. На самом деле ничего странного в нем не было. Преданных друзей среди воинства Валии у меня не было, а врагов я уже успел нажить. Да и сама княжна, и ее советники – пусть и не такие злокозненные, как Заурбек, – захотят ли они жить рядом с человеком, способным победить в единоборстве несколько десятков, а то и сотен воинов? Не лучше ли такого опасного соседа тихо зарезать, пока он спит? Или посадить в клетку и показывать как диковину? Сейчас я выступил на их стороне. Но я – чужак, я вне кланов и племен. Восточная политика коварна и непредсказуема.

В тех краях, где меня учили драться, осваивали сначала политику, а уже потом – воинские искусства. Потому что нет ничего глупее подохнуть в волчьей яме или от яда, когда ты сумел избежать смерти от мечей.

Я влез на одну скалу, по едва заметной козьей тропке вышел к подножию другой, со стороны казавшейся неприступной, и вновь полез вверх. На середине пути, в небольшой скальной нише, я открыл мешок с провизией и подкрепился. Походный рацион телохранительниц княжны отличался в лучшую сторону от моего привычного обеда. Здесь были засахаренные фрукты и вяленое мясо, хорошо обработанный сыр и отличные сухари. Вино я пить не стал – в первую очередь потому, что в вино проще всего добавить яд. Не то чтобы я ожидал такой подлости от Валии и Тахмины, но Заурбек и его прихвостни могли проявить сноровку и прыть, которой порой так не хватает честному человеку в праведном деле.

После еды карабкаться на скалы стало тяжелее. Клонило в сон, я с трудом передвигал ноги. Организм настойчиво требовал отдыха. Но отдыхать было рано.

Солнце скрылось за горами, еще когда я обедал, а теперь на темном небе появились первые звезды, подул холодный ветер.

До снежной шапки гор – нет, это были не вечные снега, просто тут, в вышине, снег еще не успел растаять – оставалось метров двести – триста. Я на ощупь преодолел это расстояние. Чем дальше заберешься, чем труднее угадать твой путь – тем надежнее.

По снегу я прошел еще метров триста. Здесь было почти светло. Света звезд, отражавшегося от кристально чистого снежного покрова, хватало, чтобы прекрасно все видеть.

В уютной расщелине, прикрытой со всех сторон большими камнями, я и решил остановиться. Еще раз поел, залез в спальный мешок, закатился под большой, косо стоящий камень и крепко уснул. Нет ничего лучше отдыха на чистом морозном воздухе в теплом спальном мешке.

Впервые я проспал больше суток. Потом поел и снова заснул. И еще раз. И еще. Думаю, я провел среди снегов около недели, и за это время отлично отдохнул.

Когда я уже собирался спускаться в долину, нос мой, обретший среди чистых снегов особую чуткость, уловил запах дыма. Я огляделся, но дыма не было видно. Пришлось идти по запаху – красться между скал, прятаться за валунами, зарываться в снег. Кто в этих горах так искусно развел костер? От кого он прячется? Что ищет?

В небольшом распадке действительно тлел маленький бездымный костерок. Рядом с ним дремал невысокий человек в мохнатой меховой шапке и грязно-белом шерстяном плаще. Он был вооружен – кто же ходит в горах один и без оружия? Рядом лежала котомка с припасами и одеждой. Сразу было ясно – человек от кого-то прячется.

Я бесшумно подошел к костру и присел напротив. Незнакомец был молод, с азиатскими чертами лица. Ему не мешало бы умыться, хотя бы снегом.

– Эй! – окликнул его я.

Парень прыжком вскочил, схватился за кривую саблю и ощерился.

– Зачем беспокоиться? Может быть, ты лучше предложишь мне чашку горячего чаю? Здесь, на леднике, холодно.

– Кто ты такой? – лязгнув зубами, спросил он.

– А я могу угостить тебя хорошим крепким вином, – не спеша утолить его любопытство, сказал я. – Как я понимаю, ты сбежал от Лузгаша?

Молодой человек промолчал. Впрочем, ответ и так был очевиден. На горца он не был похож, на оборотня – тоже. И зачем-то скрывался в горах.

– Будь моим гостем, – неожиданно поклонился он. Достал из сумы лепешку и протянул мне.

– Спасибо, – кивнул я. – Можешь не опасаться – я не из людей Лузгаша и не из тех, кто готов убить любого его солдата. Как ты сюда попал и что здесь делаешь?

– Я дезертир, – признался парень. – Раньше был вором – иначе у нас никак не добудешь хлеба, а у меня была большая семья: родители, братья, сестры. Потом попался и стал рабом. Хорошо, что не отрубили руку и не повесили, – здоровый раб оказался нужнее. Служил самому Лузгашу. Но недавно понял, что скоро меня вздернут на дыбу. Повелитель стал меня в чем-то подозревать. И на третий день после битвы с Призраком я сбежал, воспользовавшись суматохой.

Рассказывая, молодой человек прилаживал на рогатину добротный медный котелок с выбитым на стенках сложным узором. Видно, у Лузгаша ему жилось неплохо. Или он позаимствовал кухонную утварь хозяина напоследок.

– С призраком? – усмехнулся я, отметив про себя, что история парня звучит как-то уж слишком складно. Или она правдива, или рассказчик мастер врать.

– Да. На нашу армию напала какая-то тварь, которая изрубила несколько сотен человек. Повелитель был в бешенстве. После битвы он только и мог, что бормотать угрозы. Сказал, что это не человек, а бесплотный дух или демон, он найдет на него управу...

– Здесь не бывает бесплотных духов, – заметил я. – Земля – мир без магии.

– Такого не может быть, – заявил молодой человек. – Магия – слово, из которого сотворена сама материя. Не станет слова – рассыплется мир...

Я посмотрел на юношу с большим интересом, нежели вначале:

– Ты, я вижу, образованный вор! Как тебя зовут?

– Вард Лакерт. Я из Маргобраны.

Я напряг память, припоминая современную географию. Маргобрана была далеким миром, затерянным среди диких пространств хаоса и разрушений. Но от родины Лузгаша, Луштамга, этот мир отделяли сотни перемещений... Само же двойное имя, скорее всего, означало его принадлежность к дворянскому роду. Хотя в разных мирах встречались отдельные исключения. Относительно государственного устройства Маргобраны я не помнил ничего.

– Меня зовут Сергей Лунин, – представился я.

Лакерт учтиво поклонился.

– Учился в университете?

– Недолго... Окончил только два курса.

– И каким ветром занесло тебя в Луштамг? Или вы встретились с Лузгашем где-то еще?

– Нет, я попался в Луштамге. Был там по работе.

– Попросту говоря, воровал...

– Именно так.

Откровенность молодого человека мне понравилась.

– И чем ты собираешься заняться на новом месте? Примешься за старое? Тогда тебя быстро поймут и забьют камнями. Воров здесь не жалуют...

– Я собираюсь отсюда убраться, если туземцам чудом удастся выбить Лузгаша со своей земли и вернуть контроль над Вратами. Или буду прятаться от него в далеких краях и странах, выжидая момент, когда смогу проскользнуть за Врата. Вот и сейчас я просто жду.

– Как ни странно, я занимаюсь тем же.

– Ждешь?

– Да.

– А откуда ты? И что здесь делаешь?

– Я – туземец.

Юноша недоверчиво усмехнулся:

– Местных я видел издалека. Они на тебя непохожи.

– Здесь живут самые разные люди...

– И все же ты родился не здесь!

– Не сейчас.

– Как это понимать?

– Неважно, – бросил я. – Чай согрелся...

Вард догадался, чего от него хотят, и наполнил две кружки. Кружки тоже были медными, той же работы, что и котелок. Я отхлебнул чая, не слишком опасаясь, что молодой человек меня отравит. И сразу же почувствовал действие сильного наркотика.

Над джунглями поднимались испарения. Раннее утро. Брат Хокусай уже два раза ударил в серебряный гонг, висевший на Площади сбора. Третий удар – и начнется Испытание. То, которого так боятся новички и от которого не ждут ничего хорошего даже ветераны.

Я не был зеленым новичком – и до монастыря мне приходилось попадать в серьезные переделки. Но не был и ветераном – это было мое первое испытание. И конечно, я ожидал его с должным волнением.

Брат Иманур рассказывал, что испытания бывают двух видов. Такие, когда нужно действовать в команде, и такие, когда нужно полагаться только на себя и заботиться о себе.

Прошрое испытание было командным. Из джунглей вышел огромный разъяренный слон, грозивший растоптать хижины и по бревну разметать монастырь. Даже Учитель не мог ничего поделаться с ним в одиночку. Точнее, не мог помешать ему уничтожать деревню. Понятно, что слона он рано или поздно победил бы. Даже если бы тот был в два раза больше и в три раза сильнее.

Братья окружили слона, заманивая и запугивая, оттеснили в джунгли и сбросили в реку. Попавшему в воду великану оставалось только бороться с течением. Когда слон смог наконец вылезти из реки в тридцати ли от деревни, он уже достаточно охладился и утратил боевой пыл. После этого на нем даже можно было ездить верхом, что и проделал брат Саммонар.

Со времени предыдущего испытания прошло два года, но рядом с деревней до сих пор можно было увидеть вырванные могучим хоботом полусгнившие деревья, обломанные ветви толщиной с ногу взрослого мужчины и вытоптаные среди молодой поросли поляны.

А до этого на монахов Лаодао напала саранча. Да не какая-нибудь, а черная яманская, быстрая, ядовитая и крайне опасная. Каждый должен был спасаться сам – братья не могли помочь в битве с мелкими жалящими насекомыми. Спасала лишь отличная реакция, хладнокровие, умение сосредоточиться, преодолеть боль и найти правильное решение. Несколько монахов в битве с саранчой погибли. В следующем рождении они должны будут стать воинами получше...

От сегодняшнего испытания можно было ждать чего угодно. Землетрясения и извержения вулкана. Нападения ифритов или обольстительных джинний, маскирующихся под просто-

душных селянок, заблудившихся в опасных джунглях и ждущих, что их защитят, обогреют и пожалеют. Говорили, что за сто с лишним лет до этого испытания джинии перебили едва ли не половину монахов, которые бросались помогать мнимым селянкам со всем пылом одиноких мужчин.

Настоятель и учителя хватались за голову: их ученики сами лезли в петлю, прекрасно осознавая, что это петля. Тщательно подавляемый инстинкт размножения вырывался на волю и брал верх над разумом и отточенными рефлексам. После этого в монастыре было введено несколько новых курсов подготовки и сублимации.

Мы вместе с братьями Эммануром, Колвисом, Брахратом, Джу и Хэнгом держали цепь, прикрывавшую южную стену монастыря. Я стоял между Брахратом и Джу. Конечно, я их не видел – они, как и я, затаились среди зарослей, – но знал примерное местоположение. А блестящий шлем Хэнга поблескивал на заросшем папоротником холме. Хэнг замыкал цепь с нашей стороны и поддерживал связь с восточной линией обороны.

Я лежал под кустом отцветающего жасмина. Мне очень нравится жасминовый запах, но убежище среди благоухающего куста я выбрал не поэтому. Жасмин хорошо защищал сверху: меня не было видно, и подкрасться по тонким стеблям, чтобы спрыгнуть мне на голову, никто крупнее воробья не мог. Внизу не было листьев и густой поросли, по крайней мере, на несколько метров заросли просматривались. И наконец сам запах. Собака или слон, конечно, найдут меня и здесь. Но для существ с более слабым обонянием запах жасмина мог заглушить человеческий.

Раздался третий удар гонга. Испытание началось. Но ничего не происходило.

Солнце поднималось все выше, на джунгли опускалась жара. В небе раздался грозный рокот. Он напомнил мне рев реактивного самолета, но, поскольку самолеты здесь не летали, я был склонен отнести этот звук к началу ранней грозы.

Я откатился в сторону от своей основной лежки и взглянул на небо. По нему проходила полоса, похожая на инверсионный след летательного аппарата. Но это могло быть и обычное облако. В любом случае самолету здесь сесть негде. Забавно будет, если с неба выбросили десант. Тогда стоит подготовиться к битве против солдат с огнестрельным оружием. Кому-кому, а мне не привыкать...

Вернувшись обратно под сень густого куста, я приготовил метательные звездочки. Они и так были недалеко, в нагрудном кармане балахона, но я взял одну в руки, а другую прикрепил к левому рукаву. Теперь стрелков можно встретить адекватным оружием.

Налетали порывы ветра. К запаху жасмина стал примешиваться обычный для джунглей запах прелого сена. Впрочем, обычный ли? Здесь сено пахнет совсем не так, как в среднерусских степях. Да и сена как такового нет – трава никогда не успевает высохнуть в такой срок и в таком количестве, чтобы ее можно было назвать ласковым словом «сено». Она гниет, ее едят многочисленные насекомые...

Непривычный запах и отсутствие явной угрозы мне сильно не нравились. Лежать под этим кустом и ждать своей участи – все равно что сидеть перед профессором Дуравко, внешне спокойным и даже поддакивающим, но уже рисующим в ведомости «неудовлетворительно».

Дуравко, Птицын, Литовцев... Имена из прошлой, далекой жизни. Жизни, где меня учили физике, диалектическому материализму и хождению строем в качестве высшей формы организации общества... Военная кафедра... АКМ, РДГ-5, вспышка слева, вспышка справа, ногами в сторону взрыва, голову закрыть руками... Бинарные отравляющие боеприпасы, а также древние, но действенные иприт, впервые примененный немецкими войсками против англичан под Ипром в 1917 году, и фосген, имеющий запах прелого сена...

Я покрылся холодным потом. Запах прелого сена, обычный у меня на родине, но очень странный здесь! Вот оно: химическая атака! Такого в Лаодао еще не было. Тем вернее было применить подобное испытание на сей раз. Планируется ли в довесок к ядовитому газу еще

какая-то смертельная опасность? Или нас просто передушат в джунглях, как крыс в норах? Неважно. Уйти от первостепенной опасности, затем лицом к лицу встретить остальные – вот заповедь ученика Лаодао.

Выбираясь из-под куста, я судорожно вспоминал характеристики фосгена: летуч ли он или, напротив, опускается в ямы? Как можно от него защититься? Как ни странно, я помнил формулу. COCl_2 . Видимо, сильнейший окислитель. Возможно, от него помог бы обычный противогаз с угольным фильтром. Но обычная мокрая тряпка наверняка не поможет...

Почему я еще жив? Фосген обладает кумулятивным эффектом. То есть в малых дозах не слишком опасен, но по мере увеличения поглощенной порции состояние человека ухудшается стремительно... Странно, сколько ненужной информации много лет хранит наше подсознание. А вот как выглядит угольный фильтр, я припомнить не мог. Скорее всего, потому что никогда этого не знал.

Я мог применить магию и сотворить противогаз, если бы знал, как он устроен. Мог даже попытаться взлететь над джунглями: навстречу спасению или прямо в густое фосгеновое облако. Но, даже если бы я спасся, меня бы навсегда дисквалифицировали и отлучили от монастыря. Применять магию на испытаниях категорически запрещено. Монахам все равно – они верили в лучшие перерождения. Я тоже в них верил, но у меня было еще много дел в этой жизни...

И еще один важный момент. Испытания всегда оставались испытаниями, а не уничтожением монахов и учеников. Из них обязательно должен был найтись выход. Слона нужно было гнать всем вместе, саранчу убивать поодиночке, пытаясь пробиться к реке. Джиний нужно было считать заклятыми врагами, в каком бы заманчивом образе они к тебе ни являлись... Но ведь большинство братьев Лаодао понятия не имеют об отравляющих веществах. Они просто не могут найти выход из ситуации, даже не могут обнаружить опасность по вторичным признакам: гул самолета, бомбометание, подозрительный запах...

Может быть, это как раз таки испытание для одного меня? Решусь ли я спасти братьев, невзирая на угрозу исключения из братства? Смогу ли остановить невидимую и неслышную смерть? Такие испытания в Лаодао тоже случались. Триста лет назад раскаявшийся черно-книжник Сюдун не применил боевых заклинаний против эфирных элементов шторма, и половина учеников погибла. Сяндуна продолжали учить, но через несколько месяцев он не вынес позора и сам ушел из братства, приняв постриг в аскетическом монастыре. А сто пятьдесят лет назад Лу Ха обрушил на водного дракона, вышедшего из реки, всю мощь огневой магии. Битва получилась что надо. Но Лу Ха, победившего дракона, все же дисквалифицировали и отлучили. От дракона нужно было только прятаться...

Поднявшись во весь рост, я открыл все каналы восприятия. Воздух был пронизан опасностью, а из-за горизонта шла огромная черная волна. В ней таился скрытый ужас, которому я не мог посмотреть в лицо. Ему сопутствовали орды Лузгаша...

Я вдруг вспомнил, что давно покинул монастырь Лаодао, отправившись искать далекую и забытую Землю. Что в реальном испытании, случившемся несколько лет назад, на нас напал могучий лев, которому мы с братьями Брахратом, Джу и Хэнгом искромсали шкуру, подрубили лапы и дотянулись в конце концов до сердца. Я в том бою едва не лишился ноги и получил один из шрамов, украшавших мое лицо. Хэнг умер потом от ран. Брахрат, Джу и я из учеников стали «обучающимися». И еще я вспомнил, что мне подсунули наркотик.

Собрав все силы, я попытался включить бодрствующее сознание. Небо стало красным и пульсировало. Зеленые кони неслись по бирюзовой траве, которая колыбалась подобно морю. Из-за горизонта вставала черная волна, готовая захлестнуть мир. Но светлая скала на краю лазурной поляны могла защитить от темных вод – нужно было только успеть спрятаться за нее.

Я пытался двинуться – и не мог. Земля уходила из-под ног, голубая трава цеплялась за щиколотки. Осязаемый радужный ветер валил с ног и хохотал женским голосом. Неподалеку

кривлялся и насмешничал коварный Вард Лакерт. А из-за дальних бурых камней подбиралось воинство Лузгаша: тысячи воинов, огромные свирепые собаки, боевые слоны и носороги-людоеды, леопарды-охотники и могучие львы. Следом за ними шел непредставимый ужас, которому я не мог противостоять. Ни силой слова, которая мало значила в этом краю, ни мощью меча и боевыми умениями, данными мне в монастыре Лаодао.

Выход был один – бежать прочь. Но от безымянного, всепроникающего ужаса не скрыться. Можно лишь найти против него оружие и встретить лицом к лицу. Сейчас я был не в силах этого сделать.

Кто-то схватил меня за плечо. Это был все тот же Вард Лакерт. Вернее, один из них. Другой, с красным лицом, хохотал на лужайке и прыгал по камням. Этот же участливо шептал что-то, но слов его я не слышал.

Острые гребни боевых шлемов воинов Лузгаша росли над камнями, как исполинские грибы. Безымянный ужас приближался. Я впервые за последние десять лет не сдержал крика, хотя понимал, что кричат лишь слабые люди. В таких случаях крик никогда не помогает и может только помешать. Тьма приблизилась, нахлынула и поглотила меня.

Очнулся я на снегу. Вард Лакерт растирал мне лицо холодным снегом. Руки мои не были связаны, меч – в ножнах. Врагов поблизости видно не было.

– Что это было? – прохрипел я.

– Чай, – испуганно выдохнул Вард. – Чай с литомином... Я все время его пью. Точнее, в удачные дни. Когда удается раздобыть литолин...

– А чего ты так испугался? – спросил я, постепенно приходя в себя.

Новый друг не хотел отравить меня – просто под «чаем» он понимал напиток с наркотиком. Очевидно, он был уверен, что я учуял запах литомина и тоже захотел «оттянуться». К моему стыду, я принял этот запах за запах прогорклого сыра и плохо вымытого котелка.

– Слышал бы ты, Сергей, что ты шептал во сне... – протянул Вард.

– И что же?

– Я не понял. Слова на другом языке. Заклинания.

– Тогда что тут страшного, если в заклинаниях ничего не понятно? Или ты хорошо знаком с магией?

– Послушал бы ты сам, как это звучало...

В голосе молодого человека звучал неподдельный ужас.

– Не думал, что уроженца Маргобраны так легко напугать, – усмехнулся я. Мне было плохо и страшно, но я старался не подавать вида.

– Ты, наверное, колдун? – спросил Вард.

– Маг, – поправил я его. – Но здесь не действует магия.

– Тогда зачем ты забрел в это проклятое место? Я выплеснул остатки своего чая на землю. Снег зашипел и окрасился в зеленый цвет.

– Слишком много вопросов. Пойдем со мной в Бештаун. Думаю, со мной ты будешь в безопасности. Ты ведь не убил никого здесь?

– В своей жизни я не убил вообще ни одного человека!

– Если бы я мог сказать то же самое... – вздохнул я. – Пойдешь вниз? Или будешь прятаться здесь?

– Но меня притянут к допросу...

– Притянут, – равнодушно согласился я. – Но не будут пытаться и не казнят. Я прослежу за этим.

– Какие ты можешь дать гарантии? Ты князь или вельможа?

– Я в состоянии выполнить свое обещание, – уверил я Варда. – Потому что теперь я доверяю тебе. Ты ничего не сделал мне, когда я был у тебя в руках беспомощный и безоружный. Это дорогого стоит...

– Вообще-то мне хотелось украсть твой шлем, – замявшись, признался Вард.

– Почему же ты этого не сделал?

– Его бы приняли только как лом. Видно, что уже побывал в бою, – в некоторых местах остались насечки от ударов. Да и таскать его тяжело, а сбыть – непросто. Каждый, наверное, знает хозяина...

Я кивнул. Логика в рассуждениях молодого, но уже опытного вора присутствовала.

Вард тем временем аккуратно засыпал камнями костерок, увязал в котомку котелок и кружки.

– Я возьму свою поклажу, и мы спустимся вниз, – предложил я.

Съестных припасов осталось мало, но бросать хороший дорожный мешок, сделанный в форме рюкзака, и остатки сладких фруктов не хотелось. Да и спальный мешок лучше было забрать – вернуться за ним можно всегда, но вдруг его найдет здесь кто-то чужой?

Я направился к своей лежке, Вард побрел следом. Он не удивился тому, что я спал прямо на снегу, – видимо, маргобранские вору привыкли и не к такому. К тому же он не знал, что я отдыхаю на леднике уже неделю.

Бештаун начинался с новых домов. Прямо на въезде горделиво возвышались двух-трехэтажные добротные каменные здания. Они принадлежали владельцам поместий, расположенных в Кабарде и простирающихся до самого Баксанского ущелья. Перед домами – огромные вычурные ворота. Проезжий человек смотрит не на дом, прячущийся за забором, а на ворота. Чем богаче ворота, тем значительнее и почтеннее хозяин.

Местные латифундисты считали хорошим тоном иметь дом в столице. Но в старом городе строить новое жилье запрещалось, да и места было мало, а старые, неудобные дома стоили дорого. Поэтому Бештаун рос вширь, зеленел садами, журчал арыками.

Вдоль древней каменной дороги, некогда асфальтовой, теперь во многих местах засыпанной щебнем, стояли палатки торговцев. Они продавали снедь и шерстяные вещи, посуду и оружие. По этой дороге к Вратам ходили китайские караваны. Время от времени китайцы приобретали у местных жителей товары и щедро платили полновесными люмини.

Если говорить о деньгах, то я предпочитал золотые и серебряные юани из Китая, а также серебряные динары Бештауна. Но, поскольку с китайцами приходилось иметь дело редко, мои предпочтения ничего не решали. А местные жители очень любили алюминиевые монетки. Люмини ценились дороже серебряных монет, хотя и дешевле золотых.

Мы с Вардом Лакертом купили грецких орехов в меду, которые продавались в аккуратных глиняных горшочках, и подкреплялись на ходу.

А еще торговцы предлагали проезжим вязаные свитера и скатанные из шерсти шапки, теплые носки, войлочные сапоги-гутулы, самотканые ковры, косматые папахи и разноцветные шерстяные платки. На обочине тракта можно было купить лаваш и шашлык, ачму и шаурму, хачапури и чистый овечий сыр. Старухи торговали настоящим на травах самогоном, который они выдавали за целебные настойки. Местные им не слишком увлекались, а доверчивым китайцам местный самогон нравился.

Вард, пожалуй, не отказался бы от самогона, но я наложил на его предложение вето. Поездка в Бештаун и так отняла у меня много сил – незачем травить организм дополнительно. Ехать пришлось верхом, а для меня это едва ли не хуже, чем идти пешком. К лошади я так и не смог привыкнуть. Хорошо, когда животное идет тихо, но в этом случае хороший ходок может поспорить с ним в скорости. А когда она начинает бежать, нужно прыгать, и становиться оперевшись ногами в стремя, и стараться попасть в такт движениям коня: с первым толчком приподняться, второй переждать в воздухе, опуститься, подняться с третьим толчком вновь... Впрочем, как ни старайся, все равно получишь седлом по заду.

Но лучшего средства передвижения, чем небольшие мохнатые лошадки, у нас с Вардом не было. Повозка не прошла бы по тропам, да и путешествовать в экипаже позволительно только купцам. Для горца это позор. Мы не были горцами, но не собирались ронять свое достоинство в их глазах. Тем более что сам Лакерт ездил на коне сносно.

После отступления армии Лузгаша лошади резко упали в цене – слишком много их бродило по долине Баксана. Я, конечно, мог объявить их своей военной добычей и нажать неплохой капитал, но хождение по судам, наверное, заняло бы несколько лет. Если джигит поймал лошадь в степи, он считает ее своей. А откуда она взялась на степных просторах – не так важно. Да и собери я всех коней в табун – как их прокормить, кому продать? Поэтому я предпочел купить двух смирных лошадок, по праву являющихся моей военной добычей, за семь динаров (цена впятеро ниже обычной) у мальчишек, которые развернули новый промысел – охоту на одичавших скакунов.

По древнему бетонному мосту мы переправились через реку Подкумок и по торной тропке начали подниматься в резиденцию княжны. Обозы с товаром должны были пройти через город, а верховой мог подняться от реки к Провалу² за двадцать минут.

Огромное десятиэтажное здание над Провалом – когда-то хороший санаторий – занимали казармы. Жить в них было почетно, но не очень удобно. Вода наверх никогда не доходила, спускаться за любой надобностью вниз – удовольствие невеликое. Но казармы все равно считались элитными. В них жила гвардия.

Древнее трехэтажное здание, обнесенное высокой кирпичной оградой, в пяти минутах ходьбы от Провала являлось городской резиденцией княжны Валии. Здесь она принимала гостей, сюда спешили на поклон бештаунцы, приезжали просители из дальних аулов.

На воротах резиденции дежурили три пары охранников: телохранительницы княжны, джигиты гвардии и наемные китайцы. Возможность сговора между часовыми была очень мала. Китайцев не любили ни джигиты, ни амазонки. Но службу чужеземцы знали, как и то, что с них в случае упущения спросится втройне. Поэтому сторожили бдительно.

– Сергей Лунин и его друг к княжне Валии, – сообщил я китайцу, который сидел за низким столиком прямо у ворот.

– Сообщу цветнику Саурбеку, – с ярко выраженным китайским акцентом, не изменившимся за сотни лет, объявил пожилой китаец. Молодой джигит тем временем забрал у нас коней и отвел их в стойло неподалеку от ворот.

– Нет, не сообщай, – попросил я. – Сообщи в личную гвардию княжны.

– Не положена, – протянул китаец. Лицо его стало суровым.

Но тут, как я и надеялся, вмешалась девушка из гвардии:

– Как это «не положено», желтолицый?! Ты что, не доверяешь личной гвардии княжны?

Китаец задумался. У него был приказ сообщать о подозрительных пришельцах Заурбеку. Но стоит ли портить отношения с телохранительницами госпожи?

– Может, ты сообщишь? – спросил он девушку.

– Отчего нет? Кому, молодец? – обратилась она ко мне.

– Эльфии, или Тахмине, или Адольмине.

Последнее имя, принадлежащее смешливой толстушке, я вспомнил с трудом. В том, что девушки, сопровождавшие Валию в походе, здесь верховодят, сомневаться не приходилось.

Прекрасная охранница исчезла, и уже через пять минут к воротам вышла моя любимица Эльфия.

– Сэр Лунин! – радостно воскликнула она. – Приятно видеть вас.

²Провал – естественное природное образование на горе Машук. Представляет собой довольно глубокий и широкий провал в земле, на дне которого лежит озерцо с минеральной водой. В 19 веке на уровне озера к Провалу пробит туннель длиной в несколько десятков метров. Туристическая достопримечательность. Рядом с Провалом располагается много санаториев.

– Взаимно, – улыбнулся я. – Можем ли мы попасть к госпоже?

– Думаю, не сразу, – лукаво улыбнулась она. – Госпожа Валя сейчас занята. Но вы можете провести время в моем обществе.

– Ни о чем более приятном я и не мечтал, – с поклоном сказал я, не слишком при этом лукавя.

Девушка провела нас мимо китайцев и джигитов. Через летний сад, мимо журчащих фонтанов мы прошли в одноэтажный домик, в котором, видимо, хозяйничала женская гвардия. Обставлен он был изысканно: шелковые шторы, картины, узорчатый паркет, резная мебель. И ни одного мужчины внутри. Мечи мы оставили в деревянной стойке у порога.

В маленькой уютной комнате уже был накрыт десертный столик. Вино в двух кувшинах, халва, печенье, засахаренные груши. Скорее всего, Эльфия с подругами собирались обедать. Не думаю, что специально из-за нас так спешно соорудили дастархан.

– Угощайтесь, дорогие гости, – предложила хозяйка.

Мы церемонно поклонились, омыли руки в медном тазу и уселись на ковер возле столика. Стульев в комнате не было.

Эльфия налила вино в серебряные бокалы, пригубила каждый и подала их нам.

– Мясо скоро принесут, – прошептала она. – Я понимаю, что мужчин трудно накормить сладким.

Вард обрадованно закивал головой. Он и мед ел неохотно, а роскошный сладкий стол во дворце княжны поверг его в полное уныние. Вино было отличное и совсем не сладкое. Красное, сухое, на вкус оно напоминало каберне. Мы выпили раз, другой, третий. И тут я заметил, что Лакерт явственно клюет носом. Напиток, который предлагала нам Эльфия, был не настолько крепким. Да и уставшим мой товарищ до сих пор не выглядел. Я начал что-то подозревать. Взглянул на Эльфию, но та только очаровательно мне улыбнулась и подмигнула. Когда женщина так тебе подмигивает, нельзя приставать к ней с расспросами. Это ясно даже самому неопытному мальчугану.

Минут через пять Вард свалился на ковер и захрапел.

– Думаю, хорошо, что он не будет нам мешать, – таинственно улыбнулась хозяйка.

– Снотворное? – спросил я.

– Маковая роса. Вытяжка из зеленых коробочек.

– Не думаю, что ему хватит надолго. Молодой человек привычен к литомину. Что для него мак?

– Разве нам нужно, чтобы он спал долго? – расхохоталась захмелевшая Эльфия. Видимо, немного росы досталось и ей. Ведь она пригубила оба наших бокала. – Нам всего лишь нужно немного поговорить наедине.

Девушка под села ко мне и положила руку на плечо. Я не люблю, когда женщины уж очень инициативны. Но хозяйка была такой хорошенькой, что мне стало все равно.

– Откуда ты, сэр Лунин? – прямо на ухо прошептала девушка. – Где ты научился так драться? И научишь ли меня?

– Странное желание для такой нежной и хрупкой женщины, – заметил я, обнимая ее за талию.

– Хрупкой? – переспросила Эльфия, словно не замечая моей руки. Я подумал, что действительно неверно выбрал эпитет. Несмотря на изящную талию, девушка была крепкой. Не полной, но вовсе и не хрупкой.

– Желанной, – тихо исправился я.

– Но-но! – Девушка мгновенно выскользнула из моих объятий. – В этом доме много ушей и еще больше глаз.

– Тебя это беспокоит? – усмехнулся я.

– Да.

Желание женщины – закон для настоящего мужчины. Я отодвинулся от хозяйки еще дальше.

– Надеюсь, мы увидимся в другом месте. Там, где не будет глаз и ушей, – тихо, но уверенно сказал я.

– Может быть. – Эльфия кивнула. – Так все же, откуда ты здесь взялся? Я спрашиваю не из любопытства, но по поручению госпожи.

– Долго объяснять.

– И все же – если ты хочешь... Если надеешься встретиться со мной позже – объясни. Я не имею дел с таинственными незнакомцами.

– Последние несколько лет я провел за Вратами, в далеком монастыре Лаодао. Там я научился многому.

– Это ясно любому. А откуда и когда ты ушел сквозь Врата?

– Ну, в некотором роде я не уходил отсюда через Врата.

– Однако же нашей госпоже ты сказал, что родился на Земле.

В словах девушки явственно слышался ужас, как это я мог солгать княжне.

– Сказал. И это так, – согласился я.

– Не понимаю, как такое может быть.

– Я родился здесь, когда Врат еще не было, – признался я, чувствуя себя идиотом. Но врать мне хотелось еще меньше, чем выглядеть сумасшедшим.

– То есть тебе больше восьмисот лет?

– Не совсем так, хотя родился я действительно больше восьмисот лет назад.

– Ты, наверное, считаешь, что обмануть провинциальную девушку просто и приятно, – вспыхнула Эльфия.

Я считал, что это действительно так, но в данный момент Эльфию обманывать не собирался.

– Объективно мне тридцать пять лет, – объяснил я. – Мне пришлось жить в таком месте, где время течет по-другому. Туда я был заброшен после колдовского поединка.

– Так ты колдун? – ахнула девушка. У нее был такой испуганный вид и при этом глаза горели таким жгучим любопытством, что мне захотелось быстрее заключить ее в объятия и утешить.

– Я – маг. Моим соперником был черный колдун.

Вард Лакерт издал во сне особенно громкий храп. А деревянная узорчатая дверь в комнату распахнулась. За порогом стояли Заурбек и несколько джигитов с саблями наголо и арбалетами. Позади Заурбека я увидел китайца, дежурившего на воротах.

– Молодец, девочка. Мы узнали об этом нечестивце все, что хотели, – криво усмехнулся советник.

Эльфия испуганно ахнула и побледнела.

Другой на моем месте заподозрил бы девушку в предательстве. Я тоже не исключал такой возможности, но склонялся к мысли, что Заурбек просто ее подставил.

– Полагаю, ты не станешь нападать на меня с оружием? – спросил я советника Валии.

– Если ты сдашься – конечно нет, – скрипуче рассмеялся Заурбек. Ему было отчаянно страшно. – Ведь ты сам не нападешь на телохранителей княжны? Это – открытый бунт, после этого ты станешь вне закона на всей территории княжества.

Я прикинул свои шансы.

С вероятностью восемьдесят процентов я мог вернуться от арбалетных болтов в этой тесной комнате. Но тогда наверняка пострадают Вард Лакерт и, возможно, ни в чем не повинная Эльфия.

Еще я мог перебить всю охрану, которую привел Заурбек. Скорее всего, большинство этих воинов – отличные ребята, которым просто выпало служить под началом негодяя. Они

еще понадобятся нам в войне с Лузгашем. И, наконец, проклятый советник прав относительно последствий сопротивления – после схватки во внутренних покоях дворца меня действительно объявят вне закона, а Заурбек укрепит свои позиции.

Не вполне ясно было, как поведет себя в данной ситуации Эльфия. Если она и вправду заодно с Заурбеком, то мои шансы вырваться из плена живым резко уменьшаются. Если нет – то я практически в безопасности. Любимицу княжны Заурбек не осмелится тронуть. А она сообщит госпоже о заговоре и о том, что я нахожусь в плену.

Я уже протянул было пустые руки к людям Заурбека, но тут заметил его кривую усмешку и понял, что еще может затеять вероломный царедворец. Убить Эльфию и обвинить в этом меня.

Но вокруг было слишком много свидетелей. А из боковых коридоров подтягивались телохранительницы княжны. Я заметил высокую черноволосую Тахмину, удивленную вторжением в женские покои такого количества джигитов и китайцев. Заурбек упустил свой единственный шанс.

– Отдаюсь на волю княжны, – громко, на весь дом заявил я.

Два китайца тут же оказались рядом со мной и скрутили мне руки. Так что сразу не выпутаешься. Заурбек скрипуче рассмеялся.

– Между прочим, колдунов у нас сжигают, – заметил он.

Я подумал, что это абсурдно в мире, где магия совершенно не действует. На мой взгляд, колдуна гораздо проще удавить.

Подвал, куда меня поместили, был сырым и темным. Камера – маленькая клетушка с низким потолком, в которой негде укрыться, трудно защититься от выстрела из арбалета через маленькое зарешеченное оконце. Раньше здесь, по-видимому, было техническое помещение санатория.

Тяжелая, толстая деревянная дверь не была даже окована железом. При необходимости я разобью ее за пятнадцать минут. Но пока лучше этого не делать. Не стал я и избавляться от веревки, которую с меня не сняли. Незачем показывать свои тайные умения раньше времени.

Присев на голый пол в углу, я размышлял. Играла ли Эльфия свою партию, или ее промедление невольно сыграло на руку Заурбеку? И как поведет себя добросердечная, но воспитанная мудрым и дальновидным политиком княжна Валяя? Не отдаст ли приказ сжечь колдуна по наущению своего преданного советника?

Варда Лакерта поместили в какую-то камеру по соседству. Бывший вор, когда проснется, наверняка заподозрит предательство с моей стороны. Зазвали во дворец, опоили и сунули в подземелье. На его месте, особенно после знакомства с порядками, царившими у Лузгаша, я бы почувствовал себя очень неуютно.

Мимо дверей камер никто не ходил – только тихо разговаривали несколько охранников в дальнем конце коридора. Часа через два они принесли еду: кусок сыра, ломоть хлеба, кружку воды. Для тюрьмы здесь не так уж плохо кормили. Есть и пить я, конечно, не стал. Мой организм закален и вполне может обойтись без пищи и воды несколько лишних часов.

Через час после обеда с лестницы послышался шум шагов. За дверью раздался противный голос Заурбека:

– Выходи на суд княжны, мерзкий колдун.

Щелкнула щеколда, дверь приоткрылась. Я вышел в коридор. На меня вновь навели несколько арбалетов, а две обнаженные сабли уперлись в бока.

– Не стоит волноваться, – обратился я к охранникам. – Я не убегу.

– Держите его крепче, – приказал Заурбек.

Как оказалось, Валяя принимала узников не в главном зале дворца, а в специальных палатах в подвале. Что ж, мудрое решение.

Девушка в темном платье сидела в кресле с высокой деревянной спинкой и широкими подлокотниками. Напротив возвышалось сооружение, которое я определил для себя как дыбу. До сих пор мне не приходилось знакомиться с этим отголоском варварских времен. Не собирался знакомиться и сейчас, даже если дела пойдут неподобающим образом. Интересно, может быть, юная княжна сама пытается узников? За ангельской внешностью часто скрываются самые низменные пороки...

Увидев меня, Валя побледнела.

– Что ж, ты не так могуч, как показалось вначале, – усмехнулась она. – Эрлик не дал бы себя связать.

– Даже Одина³ в свое время захватили врасплох, – спокойно ответил я, не желая, впрочем, проводить параллель между богом и собою.

– Зачем ты явился сюда? – строго спросила Валя.

– Ты имеешь в виду эту комнату? Видишь ли, меня сюда притащили силком, поэтому тебе, наверное, легче ответить на этот вопрос...

– Нет, зачем ты приехал в Бештаун?

– Чтобы встретиться с тобой, княжна Валя.

– Зачем?

– Об этом я буду говорить не на допросе, а тогда, когда меня примут как гостя, – ответил я.

Девушка задумалась. С одной стороны, я был в ее власти. Возможно, освободить меня значило совершить роковую ошибку. Но прямой угрозы я пока не представлял.

– Развяжите, – приказала княжна. – Мы пройдем в зал для приемов.

– Не делайте этого, ваше высочество! – закричал Заурбек.

– Неужели ты думаешь, что моя гвардия не защитит меня? – спросила княжна. – Но если это и так, что помешало бы ему взять мой дворец штурмом? Кстати, сэр Лунин, я прошу прощения за прием, оказанный тебе моим советником.

Княжна решительно отмежевалась от действий Заурбека, а вероломный советник побледнел. Он был уверен, что теперь я прикончу его при первом удобном случае. На самом же деле Заурбек даже стал меня забавлять. Никаких особо мстительных чувств я к нему не испытывал.

С развязанными руками я пошел за вооруженными стражниками. Следом шли воины с обнаженными мечами.

Главный зал княжеской резиденции Бештауна впечатлял. Хрустальные люстры, мягкие кресла, блестящий паркет, занавеси из тяжелой переливающейся ткани. Княжна поднялась и села на большой, явно не подходивший ей трон, обитый золотыми и алюминиевыми пластинками. На мой взгляд, дикое сочетание. Но алюминий в индустриально неразвитом обществе действительно должен был цениться. Технологии производства этого легкого металла здесь не было, и он редко встречался.

Около трона княжны стояли несколько вооруженных мужчин и женщин. Я узнал Тахмину, Адольмину и взволнованную Эльфию. Поодаль от всех держался высокий крепкий мужчина с орлиным носом и гордым, цепким взглядом. Скорее всего, это был главнокомандующий княжны, Салади. Его я прежде не видел. В народе о нем отзывались тепло. Почти у самого трона стоял Заурбек.

– Говори, – приказала княжна.

³ Верховного бога скандинавской мифологии Одина захватил в плен конунг, который с подозрением отнесся к человеку, на которого не лаяли собаки. Один девять дней провел между двумя кострами, которые жгли его. Подробно об этом рассказано в «Речах Гримнира».

– Мое сообщение касается прежде всего моего спутника, – заявил я. – Прикажи привести его сюда.

Дождаясь, когда доставят Лакерта, я без приглашения уселся в мягкое кресло. Большинство царедворцев остались стоять.

Минут через десять ввели испуганного и подавленного Варда. Он, конечно, был уверен, что я его предал.

– Мы стали жертвой недоразумения, друг, – успокоил я его. – Расскажи княжне все, что рассказал мне, и тебя отпустят.

Молодой человек судорожно сглотнул.

– Так ли это? – уточнил я у княжны.

– Так, – согласилась неопытная княжна, не подумав даже, что мой спутник может оказаться замешанным в невиданных злодеяниях, и забыв оговорить это условие, чтобы как следует напугать допрашиваемого.

– Излагай, Вард, – предложил я.

Лакерт приосанился и начал:

– Я из армии властелина Лузгаша. Был его доверенным приближенным...

Половина джигитов охраны тут же схватилась за рукояти мечей. Салади, потерявший у Врат цвет войска, нахмурился.

– Но я ушел от него, потому что порядки в войске повелителя Луштамга дикие и необузданные.

– Воин, предающий своего господина, заслуживает порицания, – сурово сдвинула брови княжна. Наверное, она уже жалела о своем обещании и вспоминала полководцев древности, казвивших слуг, предавших их врага, и миловавших стойкого противника.

– Но я не воин, – попытался оправдаться Лакерт. – Скорее чиновник для особых поручений. И над моей головой нависла угроза казни.

– Это точно, – подал голос со своего кресла Заурбек. – Ты шпион, и мы вполне можем тебя казнить.

– Ты не нарушишь слова, данного княжной, – осадил его я.

– С тобой мы еще разберемся, – фыркнул в мою сторону советник.

– И что же ты хочешь сообщить? – обратилась к Лакерту княжна.

– Вообще говоря, я ничего не хотел сообщить, – признался молодой человек. – В горах, где я скрывался, мне встретился Сергей Лунин, человек в высшей степени достойный. Он убедил меня идти к твоему двору и просить убежища. Что я, собственно, и сделал. Но я действительно знаю кое-что о планах Лузгаша.

– Рассказывай, – коротко приказала Валия.

– Лузгаш ищет себе новое королевство. В прежнем его теснят колдуны, потому что соседям не нравятся порядки, установленные в Луштамге, Стране бескрайних полей. Там собралось столько дикого сброда, негодяев и извращенцев, что нормальным людям просто тяжело жить рядом с ними. Им приходится маскироваться... Так вот, против колдунов его армия не выстоит, если те возьмутся за Луштамг всерьез. Поэтому властелин Луштамга решил захватить плацдарм, где колдуны не будут представлять для него никакой угрозы. Вам не повезло – вы живете как раз в таком месте. Лузгаш долго готовился к войне без использования магии, готовил солдат, выводил существ, которые в одиночку стоят воинского отряда. Их вы еще не видели – он держит их в резерве...

– И что?

– Да то, что он раздавит ваши армии. Несмотря на призраков, которые стоят на вашей стороне. На вашего призрака найдутся десять его, и он отшвырнет вас от Врат, а потом захватит весь этот мир. И мне действительно очень жаль, потому что Лузгаш – негодяй, а у вас

здесь очень мило... Если не считать привычки хозяев усыплять гостей и сразу же бросать их в холодную камеру.

Валия пропустила колкость мимо ушей.

– О каком призраке ты говоришь? – поинтересовалась она.

– О той твари, которая уничтожила несколько сотен воинов. Что бы это ни было – прирученный оборотень, зомби или забредший в эти края полубог, – его рано или поздно выследят и сожрут твари Лузгаша.

Княжна мрачно усмехнулась:

– Так ты не знаешь, кто противостоял армии твоего бывшего повелителя в ущелье? Оказывается, человек прекрасной души, сэр Лунин, был не слишком откровенен с тобой. Потому что именно он – тот оборотень, что уничтожил половину вашей армии.

Вард оторопело уставился на меня.

– Но он – не оборотень, – заявил юноша.

– Откуда ты знаешь?

– Оборотня просто определить, – пожал плечами Лакерт. – Если вы говорите правду, сэр Лунин – просто отличный воин. Он человек, за это я могу поручиться.

– Придержи свой нечестивый язык, – яростно крикнул Заурбек. – Все, что говорит княжна, – правда! А поручительства предателя мало стоят...

– Значит, теперь и ты, Заурбек, не считаешь меня шпионом? – наивно поинтересовался я. – И признаешь, что я хоть в чем-то вам помог?

Советник грозно сверкнул глазами, вздернул вверх бороду и ничего не сказал.

– Зачем же ты перешел в стан обреченных? – спросила Лакерта княжна. Весьма разумный вопрос.

– А я и не переходил в ваш стан, – совершенно спокойно заявил молодой человек. – Сергей попросил меня рассказать вам об армии Лузгаша – я пытаюсь это делать, хотя меня никто, похоже, не слушает. О том, что уничтожена половина армии, и речи нет. Погибла едва ли четвертая часть передового отряда. Сэр Лунин обещал защитить меня от вашего гнева. Я не перебежал к вам потому, что вы сильнее. Просто у меня свои счета с Лузгашем. Чуть позже я намеревался покинуть ваше княжество и уйти как можно дальше. Может быть, тогда я смогу прожить немного дольше...

– Твои желания просты, – заметила княжна.

– Верно, – в тон ей ответил Лакерт. – Сложные желания тяжелее удовлетворить.

– Выходит, ты заботаешься о безопасности моего княжества? – обратилась княжна уже ко мне.

– В этом можно было убедиться и раньше, – ответил я, поднимаясь с кресла. – Я намерен помогать вам всем, чем смогу. Если моя помощь будет востребована.

Валия замолчала, внимательно разглядывая меня. Потом тихо, даже немного жалобно спросила:

– А какая тебе в этом выгода? Я думала об этом много дней, но не нашла серьезных причин, по которым ты бескорыстно будешь помогать нам. Особенно если тебе не нужны деньги и власть...

Я улыбнулся:

– Не люблю, когда людей сажают на кол за малейшую провинность. Хочу, чтобы на Земле по-прежнему жили нормальные люди. Жили так, как они хотят. А Лузгаш непременно будет мешать всем. Да и сам я хочу жить, чтобы меня никто не беспокоил. Как только что сказал Вард Лакерт, мои желания просты...

Княжна помедлила немного, потом сказала:

– Я прошу прощения за неподобающий прием, который был тебе оказан в моем дворце. Прошу, однако же, не таить зла на моих слуг. Они действовали во благо государства.

– Хотелось бы верить, – кивнул я.

– За твои подвиги я щедро награжу тебя. Что тебе нужно, сэр Луниг?

Девочка решила поиграть во всемогущую властительницу. Но что она могла дать мне? Таково, что я не мог раздобыть сам?

– Позволь мне жить в твоём княжестве и беспрепятственно путешествовать по нему и за его пределами, когда мне вздумается, – попросил я.

– Это право имеет каждый человек. Что бы ты хотел лично для себя? Как я видела, ты живешь не очень богато, хотя и имеешь некоторые дорогие вещи... У тебя даже коня нет.

– Уже есть. Я купил его за три с половиной серебряных динара.

– Какую клячу можно купить за эту цену? Может быть, тебе подарить благородного скакуна? Дом в центре Бештауна? Большую ферму с плодородной землей в Кабарде?

Я едва сдержался, чтобы не улыбнуться:

– Спасибо, княжна. Мне ничего не нужно. Скакун – это прекрасно. Но я не люблю ездить верхом.

– Как же ты всю жизнь преодолевал далекие расстояния?

– В детстве ездил на велосипеде. Потом... – Я замолчал, решив не распространяться об автомобилях, летающих повозках, коврах-самолетах и прочих механических и колдовских приспособлениях. – Потом – как придется...

– А у меня, между прочим, есть велосипед! – радостно воскликнула княжна. – И я не люблю на нем ездить. Совсем как ты на лошади. Крутить педали и сохранять равновесие тяжело. Я подарю его тебе!

Зал ахнул, Заурбек состроил такую кислую мину, что я даже не стал отказываться от царского подарка. Здесь, где все детали приходилось делать вручную или везти за тридевять земель, велосипед действительно был огромной ценностью. Он стоил больше, чем породистый скакун, столько же, сколько приличный дом в центре Бештауна. Насколько я слышал, в Славном государстве производили велосипеды. Но продукты передовых технологий никогда не продавали в больших количествах за границу. Ведь соседи могут посадить на велосипеды солдат, и из безобидного средства передвижения они превратятся в мощный фактор, усиливающий вражескую армию.

По мановению руки девушки несколько джигитов скрылись, и через несколько минут в зал вкатили изящный велосипед с настоящими надувными камерами, сделанными из каучука, жирно смазанной цепью и прямым рулем. В кожаное сиденье были вплетены золотые и серебряные нити, как в роскошное конское седло. Раму и руль украшали золотые накладки, инкрустированные драгоценными камнями. Велосипед был стильным, но чересчур ярким. Понятно, что эта машина была ручной сборки и наверняка стоила целое состояние.

– Спасибо, – поклонился я. Такие подарки делаются нечасто.

– Опробуешь? – спросила княжна.

Отчего бы и нет? Я подошел к велосипеду и хотел было выкатить его на улицу, когда Валя предложила:

– Прямо здесь.

Свободного места между креслами было более чем достаточно. Поставив на педаль только одну ногу, я оттолкнулся, поднялся в низкое для меня седло, разогнался, маневрируя между креслами, проехал по залу, круто развернулся, въехал на возвышение, где стоял трон и кресла приближенных советников, подняв для этого переднее колесо велосипеда. Джигиты и телохранительницы княжны восхищенно вздохнули.

– Теперь я убедилась, что ты вырос во дворце, – улыбнулась Валя. – Никто здесь не владеет велосипедом с таким искусством...

В свое время я неплохо ездил, но никогда не увлекался трюкачеством. А сейчас только проделал самые простые маневры. Впрочем, разубеждать княжну я не собирался. Пусть думает, что хочет.

– О делах мы поговорим позже, когда ты отдохнешь, – заявила княжна. – Аудиенция окончена. Тебя поселят в отдельных апартаментах рядом с казармами.

– И моего друга Лакерта – тоже, – заявил я.

– Не хотелось бы мне привечать предателя, – холодно бросила Валя.

– Надеюсь, что он хороший человек. Просто попал в затруднительное положение, – объяснил я.

– Ты можешь водить дружбу с кем угодно и приглашать этих людей к себе, – коротко кивнула княжна.

Мне такого заявления было достаточно. Ведь я не просил выписать на Варда довольствие с воинских складов...

По дороге к малым корпусам бывшего санатория «Родник» обиженный Лакерт тихо, но горячо проговорил:

– Хорошо быть чистенькой и благородной, когда немалая власть и богатство достались тебе на блюдечке после отца! Мне приходилось знать проституток, которые были гораздо более благородными и человечными, чем эта княжна... И содержательниц притонов, которые добились всего сами!

– Если бы она была немного глупее и чуть менее благородна, тебе не удалось бы избежать петли, – усмехнулся я. – В целом же я с тобой согласен. Но советую держать язык за зубами. Здесь, похоже, каждый стремится только к тому, чтобы подслушать ближнего своего...

Жить в бывших апартаментах санатория «Родник» оказалось приятно. Правда, джакузи давно проржавело и его выбросили, заменив обычным корытом. Зато в одноэтажном домике с высокими потолками, предназначенном для приема высоких гостей, работала канализация и водопровод.

Мне доводилось отдыхать в «Роднике» много лет назад, когда здесь располагался санаторий, а не казармы гвардейцев. Тогда я жил на шестом этаже, в двухместном номере, и об апартаментах даже не мечтал. Стеклопакеты на фотоэлементах отъезжали в сторону перед каждым отдыхающим, в переходе между главным и четвертым корпусом зеленел зимний сад... Сейчас стеклопакеты заменили на стальные ворота. Переход обрушился или был разрушен, а водопровод не выжимал воду даже на второй этаж. В концертном зале гвардейцы упражнялись в фехтовании. Бассейн на третьем этаже сохранился, но как резервуар питьевой воды. Воду в него таскали ведрами провинившиеся. Лишь в столовой по-прежнему питались – только не отдыхающие, а гвардейцы.

Вард Лакерт старался лишней раз не высовываться на улицу. Время от времени он порывался уехать в Китай, но я не хотел его отпускать. Молодой вор мне понравился и мог оказаться полезным. А за пределами Бештауна ему грозили серьезные опасности. Земля давно стала местом, не приспособленным для прогулок.

Пока мой товарищ читал книги из богатейшей библиотеки княжны, валяясь на мягком диване в гостиной (апартаменты включали четыре комнаты, кухню и ванную), я катался на велосипеде по городу и поднимался на Машук. Пешеходные дорожки поддерживали в порядке – на вершине горы стоял важный в стратегическом отношении наблюдательный пост. Местные смотрели на мой велосипед с восхищением. Но никто не просил покататься и даже не пытался заговорить.

Через два дня после того, как мы поселились в Бештауне, с утра пораньше, пока я не уехал из дому, в дверь постучали. Лакерт опасливо вздрогнул и потянулся к мечу.

– Если нас решат убить, то убьют, – успокоил я его, открывая дверь.

На пороге стоял высокий седобородый мужчина в черной рясе. Поверх нее – большой серебряный крест на тяжелой серебряной цепи. На голове – круглая черная шапочка. В руках – прямой деревянный посох чуть пониже самого мужчины. Гладкий, без рисунков и украшений. Почти что палка, только хорошо отполированная и с металлической набойкой снизу.

– Здравствуйте. – Он склонил голову.

– Здравствуйте, батюшка, – ответил я, отступая в гостиную. – Проходите, садитесь.

Брови священника удивленно поползли вверх. Он вошел и опустился на краешек дивана, не выпуская посоха он из рук.

– Сергей Лунин? – поинтересовался священник после небольшой паузы.

– Именно. Чему обязан?

– Извините... Никак не думал, что вы – из наших прихожан... О вас рассказывали, как о каком-то свирепом язычнике из дальних краев...

С трудом удержавшись от того, чтобы не расхохотаться, я ответил:

– Я не очень свиреп и в общем-то не язычник, хотя многие принимают меня за такового. Но и к вашим прихожанам, если понимать под этим словом обитателей вашего прихода или выходцев из него, я не принадлежу...

– Прихода... – тихо вздохнул священник. – Какое прекрасное древнее слово!

Я склонил голову. Неужели приходов больше нет? Словно отвечая на мой вопрос, батюшка начал рассказывать:

– Церкви у нас теперь находятся в округах. Один округ – одна церковь. Так удобнее и лучше. Но я читал о приходах... Откуда же вы, если не из Славной империи? Ваши родители или предки – беженцы?

– Я сам – беженец, – уклончиво ответил я. – А как зовут вас, святой отец? И чему я обязан вашим посещением?

Священник приподнялся и представился:

– Отец Филарет. Настоятель храма Святого Власия, почитаемого даже язычниками. Послан с миссией в Бештаун. Имею грамоту самого отца Кондрата, митрополита Славного государства.

– Наслышан о вашем благодатном крае. В море по-прежнему купаются? Сейчас оно, наверное, стало очень чистым...

– Если бы не пираты, все было бы отлично, – вздохнул отец Филарет. – Урожай высоки, климат благодатный. Только язычники донимают... Кстати, у вас, говорят, тоже пригрелся язычник, причем из дальних краев?

– Да. – Я решил не перечить.

Мои язычники – это мое личное дело. И при всем уважении к отцу Филарету и самому митрополиту Кондрату, я сам могу решить, с кем мне иметь дело.

– Не согласились бы вы прогуляться со мной по лесу, дабы поговорить о делах весьма важных? – вкрадчивым голосом спросил священник.

– Отчего бы и нет? Пойдемте...

Было ясно, что отец Филарет явился ко мне не просто так. Я был заинтересован в помощи и информации со стороны Славного государства. Конечно, они тоже от меня что-то хотели. На ловца и зверь бежит. Резидент разведки Кондрата, или его посол – кем там был этот священник, – явился ко мне лично. Большая удача! Жаль, конечно, что велосипедная прогулка сорвалась. Но дело того стоило.

Оставив священника в гостиной, я быстро сменил домашнюю одежду на прочные джинсовые брюки и легкую рубашку. К ремню я пристегнул меч. Священник не был вооружен, не считая его легкой палки. Тем более представлялось разумным позаботиться о нашей безопасности.

Если в Баксанском ущелье, ближе к горам, еще было прохладно, то в Бештауне царила поздняя южная весна. Только по ночам немного холодало, а днем стояла жара. Выйдя из дому и оказавшись под сенью каштанов, клейкие листья которых, казалось, росли на глазах, мы с отцом Филаретом, не сговариваясь, повернули в сторону Провала. Другая дорога вела в город, но на многолюдной улице нам могли помешать разговаривать по душам.

Пешеходная дорожка уходила в гору. Мы миновали нескольких гвардейцев, купавшихся в ручье, бегущем из Провала. Крики и хохот сотрясали воздух. Но дальше лес становился гуще и безлюднее, на дороге уже почти никто не встречался.

На холме стояли развалины какого-то древнего сооружения. Кажется, раньше здесь тоже был санаторий. Но водопровод не поднимал воду на такую высоту, и многоэтажный дом заброшили, а может быть, растащили на стройматериалы сразу после Катаклизма.

– И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы, – заговорил вдруг отец Филарет, постукивая посохом по каменистой тропе.

– Откровения Иоанна Богослова? – уточнил я. – И под саранчой вы понимаете воинство Лузгаша? Или то, что случилось восемьсот лет назад?

– Под саранчой я понимаю злокозненных тварей, – пристально взглянув на меня, ответил священник. – Нынешнее время наполнено зловещими событиями и предзнаменованиями. Вы ничего об этом не слышали?

– Нет. Последние несколько дней я не слежу за событиями.

– Прискорбно, – нахмурился священник. – Может быть, вы не совсем тот, с кем мы хотели бы установить контакт?

– Может быть. – Я пожал плечами. – А за кого, собственно, вы меня принимаете?

– За посланца, – ответил Филарет. – Вот только чьего? Посланного спасти или посланного прельстить?

– Основной апокалипсический вопрос, – улыбнулся я. – Думаю, все не настолько судьбоносно.

Священник темнил, и я не совсем понимал его высказываний, но не подавал вида. Молчи – и сойдешь за знающего. Но некоторые разъяснения дать все же было необходимо.

– Во-первых, меня никто не посылал. Я сам по себе и представляю прежде всего свои интересы. Во-вторых, один человек не может кардинально изменить судьбу мира. Разве не так?

– Вы так полагаете? – сурово воззрился на меня Филарет. – А как же великие преступники прошлого? Те, кто развязывали войны и уничтожали народы? Пророки, а также лжепророки?

– В мои планы не входит развязывать войну или пророчествовать, – по возможности мягко ответил я. – Напротив, все мои желания направлены на то, чтобы жизнь здесь текла так, как должна течь.

Дорога плавно огибала Машук. Мы шли по чистому лесу, лишь в некоторых местах носившему следы вырубki на дрова. Священник замолчал, а я с интересом поглядывал по сторонам. Давно не был по эту сторону горы.

От Кавказского хребта быстро надвигались тучи. В какой-то момент они поглотили солнце, которое стало багровым. Лес помрачнел. Похоже, собирался затяжной дождь.

– И солнце сделалось мрачным, как власяница, и луна, как кровь... – продекламировал отец Филарет.

Я немного удивился:

– Вы действительно верите в апокалипсические предзнаменования? После всего того, что произошло на Земле?

– Как можно не верить Иоанну?⁴ – удивился Филарет. – Возможно, несколько ангелов уже вострубили и печати сорваны. Отцы церкви расходятся во мнениях на сей счет. Я сам полагаю, что снята уже шестая печать, ибо «небо скрылось, свившись, как свиток, и всякая гора и остров двинулись с мест своих». Уверен же я в том, что все, написанное в священных книгах, исполнилось или исполнится.

– Но ведь Иоанн говорил: время близко, – попытался возразить я, не слишком надеясь на успех. – С тех пор прошло почти три тысячи лет. Мироздание обрушилось, но Антихрист еще не явился...

– Близко – понятие растяжимое, – вздохнул Филарет. – Что тысяча лет для нас – мгновение для Бога, день для его апостолов. Конец близок. Но доживем ли мы до него? Доживут ли наши внуки? Человеку свойственно ставить во главу угла себя. Но на самом деле там стоит вовсе не он.

Дорога повернула, и мы вышли на поляну. Вдалеке виднелись сооружения разных архитектурных форм и скульптурные группы.

– Что это? – спросил я священника. Впервые за время нашего разговора он по-настоящему растерялся:

– Вы не знаете?

– Запомнил. С этой стороны горы я был только пару раз. Очень давно.

– Перед нами место дуэли Лермонтова.

Действительно – как я мог забыть? Но с другой стороны, что так удивило отца Филарета? Плохо ориентируюсь в местности, не люблю стихов, малообразован, не ходил сюда на экскурсию – да мало ли по каким причинам я мог не узнать памятник?

Когда мы подошли ближе, я понял, что место дуэли сильно изменилось с тех пор, как я видел его последний раз. Во-первых, здесь появился новый памятник. Михаил Юрьевич с плохо узнаваемым лицом стоял, держа в руке огромный, гротескный пистолет и целясь в невидимого противника. Старая стела осталась в том же виде, как я ее запомнил, а неподалеку была воздвигнута огромная мраморная плита, на которой были крупно выбиты стихотворные строки:

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня же ближние мои
Бросали бешено каменья.

Часть букв была заполнена золотой краской, часть – небесно-голубой лазурью. Впечатление стела производила двойственное: примитивное и вместе с тем утонченное. Не знаю, как такое могло быть, но я почувствовал и красоту, и вычурность, и нарочитость.

Со стороны Машука, обращенной к городу, сюда шла торная дорога.

– Похоже, место популярное, – заметил я.

Священник вновь странно посмотрел на меня:

– Да ведь это центр поклонения языческому культу Лермонтова. Сюда приезжают жители аулов, лежащих и за сто, и за двести километров. Местные жители считают древнего поэта

⁴ Иоанн Богослов – один из двенадцати апостолов, любимый ученик Христа, автор знаменитого «Откровения», явившегося ему на острове Патмос, или «Апокалипсиса».

полубогом, пораженным коварным демоном, но вновь обретшим силу. Пророком, вестником... Тем, кто может наградить и наказать. Он покровительствует Бештауну. Неужели вы и об этом никогда не слышали?

– Не слышал. – Я пожал плечами. – Мне приходилось бывать в Бештауне только один раз. Я все время жил в Баксанском ущелье.

Мы присели на каменную лавку неподалеку от мраморного камня.

– Среди народов, населяющих горные теснины, Лермонтов особенно популярен. – Отец Филарет осуждающе покачал головой. – У пастухов ходят апокрифические предания о молодом поэте-пророке, многие его стихи и откровения заучивают наизусть. Даже я кое-что знаю на память, хотя жил по другую сторону Кавказского хребта. Выучил в детстве. Запретный плод сладок, а у нас поклонение Лермонтову, естественно, запрещено. Но горские народы, выходящие из этих мест, игнорируют запрет митрополита. Вы, сэр Лунин, явно что-то недоговариваете.

– Недоговариваю? – переспросил я. – Да ведь я ничего о себе не рассказывал. История слишком невероятная...

Священник поморщился:

– Чего только не бывает в жизни! А на исповедь ходите, брат мой?

Ну, это уже чересчур! Время исповедаться, как мне казалось, еще не пришло. Да я и раньше не был добрым прихожанином. А уж теперь каждое слово, даже если ты собираешься сказать его на исповеди, прежде нужно хорошо взвесить. Так что священник напрасно надеется стать моим духовником.

Кто знает, кого на самом деле представляет отец Филарет? Да и как отнесется к моей истории сам митрополит Кондрат? То, что я собирался сделать, могло ему не понравиться...

Истолковав мое молчание как признак смущения, священник начал наставлять меня на путь истинный. Потом спохватился, что его послали вовсе не за этим, и спросил:

– Так вы в самом деле один остановили армию Лузгаша?

– Человек никогда не бывает один, – многозначительно ответил я. – Многие зримые и незримые силы помогали мне. Но не будем об этом. Скоро пойдет дождь, нужно торопиться в город. А сначала я хотел бы посмотреть на эту мраморную плиту поближе...

Я поднялся и подошел к памяtnому знаку, влез на невысокий мраморный пьедестал, чтобы хорошо разглядеть выбитые на камне мелкие строчки. Они не были раскрашены, и изда- лека прочесть их было трудно.

Блестящей стальной краской были заполнены строки:

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал —
Наследье бранного Востока.

Я хотел найти строки «Выхожу один я на дорогу», но не видел их. Может быть, они появлялись только в свете луны и звезд?

Сзади раздался сдавленный крик. Священник семенил ко мне, испуганно взмахивая руками. Подбежав, он сделал попытку схватить меня за ремень и оттащить от камня. Я не пытался увернуться сознательно. Это произошло на рефлексивном уровне – не люблю, когда меня неожиданно хватают. Отец Филарет промахнулся и грохнулся на мраморное подножие. Я только собирался помочь ему и разузнать, не сильно ли он ушибся, когда из кустов раздался истошный вопль:

– Святотатство!

Священник без моей помощи вскочил как ошпаренный и кинулся в сторону города, на ходу крича:

– Бежим!

Я последовал совету отца Филарета. Меня не нужно было уговаривать – из кустов метрах в ста от стелы резво выскочили человек пять абреков с грозно топорщившимися усами и обнаженными кинжалами. Они гомонили о чем-то между собой, но не обращались к нам, и это мне не понравилось больше всего – не бойся собаки, которая лает, бойся той, которая рычит.

Пожалуй, я был в состоянии справиться с абреками, обезоружить их и уложить лицом на землю. Не так их было и много, да и впечатления великих воинов они не производили, пусть даже им покровительствовал сам Лермонтов. Но, действуя рефлекторно, я воспринял их появление как реальную опасность. Опасностей следовало избегать. Поэтому пришлось подчиниться команде Филарета.

Уже на ходу я понял, что поступил правильно. Какое бы мы прегрешение ни совершили, связываться с местными воинами или жрецами, наверняка имевшими поддержку в городе, не стоило. Зачем драться там, где можно убежать?

Не понимал я другого – как пожилой, находящийся в не очень-то хорошей форме священник намеревается скрыться от молодых джигитов. Сначала он, конечно, показал достаточную прыть. Да и фора в сто метров нам помогала. Но постепенно отец Филарет начал терять скорость. Джигиты нас догоняли.

Впереди показалась странная решетчатая беседка. Около нее стояло несколько лошадей, внутри – устройство, напоминавшее корыто с сиденьями. Чуть позже я сообразил, что это – небольшой вагончик, стоящий на рельсах. Людей в беседке не было.

– Редкая удача, – задыхаясь, бросил Филарет. – В вагон – так мы сможем спастись.

С неожиданной ловкостью священник вскочил в вагончик, положил свой посох, ухватил длинный шест, стоявший сзади, и принялся яростно отталкиваться от земли, разгоняя вагон. Поначалу дорога шла почти по ровному месту и лишь метрах в пятидесяти от станции поворачивала под уклон.

Я понял, что с помощью шеста мы от погони не уйдем. Поэтому схватился за край вагонетки и побежал, разгоняя ее до приличной скорости. Джигиты были уже рядом, а тут им на подмогу выбежали еще два бородатых мужичка – не иначе смотрители дороги, проворонившие безбилетников. Они возмущенно вопили и мчались следом за нами.

Вагонетка достигла пологого склона, наклонилась и неудержимо понеслась вперед. Я едва успел вскочить внутрь и упасть на роскошный мягкий диванчик. Священник оставил шест, быстро достал из пристегнутого к поясу кошелька золотую монету и бросил ее в сторону голосивших смотрителей. Те, похоже, поняли, что он сделал, потому что сразу замолчали и устремились на поиски.

Мы мчались, разогнавшись, наверное, до ста километров в час. На поворотах вагонетка опасно ложилась на бок, на пригорках тормозила и едва не отрывалась от рельсов в верхней части траектории.

– Что это за адская тележка? – спросил я и тут же понял, что не совсем верно выбрал эпитет. Духовное лицо могло обидеться.

– Рельсовая дорога с Машука, – отдуваясь, ответил Филарет. Глаза его при этом гордо блеснули. – Ее строил инженер Славного государства, отец Кирилл, сто лет тому назад. И сейчас поддерживают в рабочем состоянии наши железнодорожные бригады. Поэтому я хорошо знаю, как пользоваться этой дорогой.

– Вы бросили смотрителям целый золотой, – усмехнулся я. – Плата за неудобства?

– Нет, цена поездки. Удовольствие дорогое. Наверх вагончик приходится тащить с помощью лошадей. Рельсы стоят дорого, их поддержание в рабочем состоянии – тоже. Хочешь кататься – плати. Но в праздничные и выходные дни на эту дорогу стоит большая очередь. Она себя оправдывает.

Спуск с горы закончился. Теперь мы неслись по ровной местности среди домов по инерции.

– Может быть, не будем дожидаться конечной станции? – спросил я Филарета.

– Почему? – удивился тот.

– Чтобы нас не встретили напарники верхних смотрителей.

– Я заплатил за проезд, – объяснил священник. – Так что бояться нам нечего. Да если бы и не заплатил – как бы они узнали, что мы умчались с горы со скандалом? Связи-то между станциями нет. Быстрее всего весть доходит от верхней станции до нижней с помощью вагона.

Я улыбнулся такому любопытному применению теории относительности.⁵ В то, что подобная дорога может работать без связи, просто не верилось.

– А если вагон остановится на рельсах? Следующий налетит на него? Или он здесь вообще один?

– Нет, в праздники пускают четыре вагончика, – объяснил священник. – Но опасности остановки нет. В случае аварии вагон просто вышвырнет с рельс. Это никак не мешает следующему.

– А если разрушится дорога?

– Во время всеобщих гуляний обходчики постоянно курсируют вдоль железнодорожного полотна. Я же говорил – на обслуживании дороги занята уйма людей...

– Вам бы сюда ручную дрезину, – заметил я, не слишком надеясь, что священник меня поймет. Дрезины, как и электровозы, и телефоны, наверняка канули в невозвратное прошлое...

– Дрезина не вытянет наверх, – ничуть не смутившись, заявил отец Филарет. – У нас в Славном государстве дрезины используют на ровных участках дороги. Здесь мог бы помочь паровоз, но он очень дорог.

– И не работает, – добавил я, памятуя о том, что вся техника стала на Земле бесполезной.

– Почему? – удивился священник. – Отлично работает. Ведь в паровозе не используются взрывообразные процессы, как в двигателе внутреннего сгорания. Только давление пара. Дрова у нас есть, и вода в избытке. Так что на нашей линии Славград – море два паровоза постоянно таскают пассажирские и грузовые составы. И в сторону перевала ходит малый грузопассажирский состав.

Настала моя очередь удивиться и попенять себе за недомыслие. Я полагал, что попал прямиком в каменный век, а оказалось, некоторые простые вещи просто не учел. В частности, то, что для работы парового двигателя не нужно интенсивное горение топлива, как, скажем, для дизеля. Паровоз работает на дровах, а дрова горят по-прежнему. И вода кипит по-прежнему. Выходит, промышленность не отброшена так далеко, как показалось мне вначале.

Вагончик медленно подкатился к нижней беседке. Мы вышли, с интересом поглядывая друг на друга. Отец Филарет засеменил по торной тропке к своей резиденции, располагавшейся неподалеку от церкви с золотыми куполами в центре города. В дороге он все больше помалкивал, бросая на меня косые взгляды. Священник старался разгадать, с кем свела его судьба. И, похоже, не сделал определенного вывода. Помогать ему я не стал.

Я сидел посреди гостиной и ел лаваш с сыром и медом, когда дверь нашей с Лакертом резиденции без стука отворилась и на пороге появилась Эльфия.

Ее зеленые глаза уставились на меня со смесью восхищения, негодования и удивления.

– Обьедаешься? – спросила она.

– Люблю вкусно покушать, – согласился я.

⁵ В теории относительности большую роль играет скорость распространения сигнала – в частности, скорость света. Дорогу с Машука можно также рассматривать в качестве особой физической системы. Абсолютная скорость здесь – скорость вагонетки. И, если не пришла вагонетка, нельзя достоверно судить, произошло ли наверху какое-то событие с момента ее отправления или нет. В данном же случае о событиях могли рассказать только отец Филарет и Сергей.

- Уже заметила. Подчас мне начинает даже казаться, что ты не тот, за кого себя выдаешь.
- Я ни за кого себя не выдаю, – ласково улыбнулся я. – Проходи, красавица. Съешь меда.

Он не отравлен.

Эльфия усмотрела в моем предложении намек на неприятную ситуацию, в которую я попал по ее вине. С тех пор у нас не было возможности поговорить. Она не искала больше встреч со мной, а я не пошел к ней. Ноздри девушки обиженно раздулись.

- Тебе не идет сердиться, – сообщил я. – Чем твой слуга прогневал тебя на этот раз?

– Зачем ты осквернил памятник нашего героя? И уж если тебе хватило наглости это сделать, почему ты не схватился в открытую со стражами, а сбежал вместе со священником? Говорят, со стороны вы походили на двух баб, спасающихся от насильников и путающихся в своих одеждах...

– Полегче в выражениях, – попросил я, но не выдержал и рассмеялся. – Кто же тебе об этом рассказал?

– Джигит из охраны Священного места. Мне было поручено расследование происшествия. От жрецов к княжне поступила жалоба.

- И как успехи? – поинтересовался я.

– Чьи?

– Твои. В расследовании.

– Я возмущена.

– Какое это имеет отношение к расследованию?

Эльфия гордо вскинула голову. Золотистые волосы разметались по плечам.

– Похоже, ты мало ценишь свою честь.

– Просто не думаю, что такой мелкий и забавный инцидент может уронить мое достоинство, – заявил я.

– Инце... что? – переспросила девушка.

– Бегство от каких-то полоумных абреков. Любой нормальный человек предпочел бы не ввязываться с ними в драку, если имеется такая возможность. А возможность нашлась...

– Знаешь ли ты, что посланника митрополита Кондрата теперь хотят повесить или, в лучшем случае, выгнать из страны?

– Его-то за что? Он пытался удержать меня от святотатства. Хотя, по-моему, никакого святотатства я не совершил. Если люди ставят памятники и пишут на них что-то, нет греха в том, что другие хотят это прочесть. Напротив, надписи в публичных местах для этого и делаются!

Эльфия осуждающе покачала головой:

– Ты влез с ногами на подножие алтаря. Мало того – ты не разулся. А на плиту перед алтарем подобает становиться только на колени. И читать, что тебе интересно. Усердно молясь при этом.

– Но я ведь не знал о тамошних порядках! И никаких пояснительных записок, или гидов, или сторожей там не было!

Девушку обращение к здравому смыслу не взволновало.

– Ты виновен в святотатстве. Но меня больше всего возмущает то, что ты бежал от воинов, как трусливый шакал.

Я вновь улыбнулся. Если поклонницу Лермонтова взволновало больше всего именно это, значит, она и вправду ко мне равнодушна! Приятно, несмотря на все обвинения.

– Какого же наказания требуют абреки для меня?

– Тебя они отдадут на суд княжны. Ведь только она может подписать законный приказ казнить тебя через усечение членов – предать смерти, достойной святотатца!

Я задумался. Не потому, что боялся расправы. Просто я, похоже, и в самом деле оскорбил чувства этих людей. Не по своей вине, конечно. Можно даже сказать, по их собственной

вине, из-за их суеверий. Но все равно было неприятно. Тем более что Эльфия, похоже, была закоренелой язычницей и почитала Лермонтова как покровителя Бештауна.

– Глубоко уважаю Михаила Юрьевича как поэта и восхищаюсь им, – заявил я, поднимаясь. – Приношу извинения всем, кого обидел. В том числе и тебе, милая Эльфия.

– Разве воин просит прощения?! – возмущенно выкрикнула девушка. – Он вызывает обвинителей на суд богов!

В ярости телохранительница княжны была особенно хороша. Не вполне отдавая себе отчет в том, что делаю, я сгреб ее в охапку и поцеловал. Пусть всадит мне кинжал в спину, если захочет. Но вряд ли она это сделает.

Глаза Эльфии затуманились. Она не стала сопротивляться, хотя и говорила совсем недавно, что воин должен проявлять решительность в любой ситуации. Себя она, наверное, в данный момент воином не считала. А я был решителен, и на этот раз это заслуживало одобрения...

Я уже подумывал перейти к более решительным действиям, когда дверь спальни Лакерта распахнулась, и он, заспанный, появился на пороге:

– Что случилось?

Тут Лакерт увидел весьма пикантную картину и поспешил закрыть дверь. Но непоправимое уже свершилось. Эльфия выскользнула у меня из рук и пришла в такое негодование, что мне сделалось по-настоящему страшно.

– Ты что, решил, что я уличная девка и меня можно тискать на глазах твоих дружков?! – воскликнула она. – За это ты мне заплатишь!

– Он никому не скажет, – уверил я Эльфию. – Не обижайся!

– Обидеться можно на равного, а не на нищего, возмнившего себя героем! – воскликнула девушка, поворачиваясь, чтобы уйти. На мгновение задержавшись, презрительно бросила: – Княжна приглашает тебя, нищоброда, и твоего безродного дружка на встречу с посланником Лузгаша. Через час в Главном зале дворца. Места укажет вам Тахмина.

– Спасибо, – поблагодарил я. – Еще раз прошу – не обижайся.

– Считай, что ничего не было, – гордо вскинув голову, заявила Эльфия. Вспомнила, что выполняет поручение госпожи. – И не приближайся ко мне, если хочешь остаться в живых. Княжна не дала своего разрешения на казнь, но абреки затаили на тебя зло. Если я шепну им пару слов – от тебя мокрого места не останется.

Это было уже совсем по-детски, и я с трудом сдержал смех.

Времени до приема осталось совсем мало. Я стукнул в дверь спальни Лакерта. Тот высунулся в большом смущении.

– Вы бы могли пойти в спальню, – начал оправдываться он. – Я сожалею, что помешал тебе...

– Не вспоминай об этом никогда – я уже все забыл, – ответил я. – И не давай мне советов в таких вопросах – не люблю. Ты слышал последнюю часть нашего разговора?

Вард густо покраснел:

– Двери здесь тонкие...

– Пойдешь на прием?

– Мне бы очень не хотелось...

– Попроси Тахмину, чтобы она устроила тебя за какой-нибудь занавесью, чтобы ты видел все, а тебя – никто. Думаю, она согласится. Ты можешь сообщить что-то ценное о после Лузгаша. Я прошу тебя пойти.

– Хорошо, – неохотно согласился молодой человек.

– Тогда иди. А у меня еще много дел. Займешь мне золотых десять—двадцать?

Лакерт, который вывез от Лузгаша достаточно денег, без возражений сходил в свою комнату, принес кошель и отсчитал двадцать золотых монет неизвестного номинала, отчеканенных в неведомой стране. По виду они были немного больше и тяжелее ходившего здесь золотого динара и золотой юани. На лицевой стороне монеты был изображен двухмачтовый парусник, на оборотной – решетка, увитая листьями. Монеты были красивые, золото – высокой пробы.

– Отдам, когда смогу, – пообещал я.

– Не торопись, – кивнул Вард. – Мне приятнее носить с собой твое обязательство, а не двадцать монет, оттягивающих карман, да их к тому же могут украсть или отобрать лихие люди... Обязательство не украдут...

Я засмеялся:

– Ты боишься воров?

– Не боюсь. Разумно опасаясь. Украсть гораздо легче, чем сохранить. Мне ли не знать?

– Но меня могут убить...

– В этом случае и я проживу здесь недолго, – хмыкнул Вард. – Уж за меня тогда сразу возьмутся всерьез. Все заинтересованные стороны...

Я надел пояс с ножами и вложил в них меч, накинул длинный темный плащ и вышел на улицу. До ближайших торговых лавок было минут пятнадцать ходу. Правда, и лавки были богатыми – привилегию торговать рядом с княжьем двором нужно заслужить.

В лавке Мансура (о том, что ею владеет правоверный Мансур, можно было узнать по вывеске) продавалось множество красивых и дорогих вещей. Эльфии, конечно, понравился бы кинжал – если бы она купила его сама. Однако ножи дарить нельзя. Я не был суеверным, но у девушки такой подарок может вызвать опасения. Кольца ко многому обязывают. Кроме того, нужно знать размер. Серьги Эльфия, по-моему, не носила. Поэтому я решил купить ей красивый браслет. Изящный браслет нашелся сразу. Серебряный, с узорчатой резьбой, украшенный сапфирами или похожими на них голубыми камнями. Он очень подходил к золотым локонам Эльфии. Конечно, золотой был бы лучше. Но имевшиеся в наличии золотые браслеты были очень тонкие, и красные камни в них мне совсем не понравились.

– Сколько? – спросил я у Мансура.

– Пятьдесят золотых, – не моргнув глазом, объявил купец. – Двести граммов серебра, восемь сапфиров чистой воды из Индии.

Если бы я не пожил здесь несколько месяцев, я бы повернулся и ушел. Но опытному человеку было ясно, что цена завышена по крайней мере раз в десять.

– Два динара, – предложил я.

Купец закудахтал и загородил браслет руками, будто я собирался забрать его силой.

– Серебряных, – добавил я, совершенно его этим убив.

– Да здесь одного только серебра на тридцать динаров! – завопил Мансур, забыв приличия. – А дивная работа китайских ювелиров? А индийские сапфиры? Ему просто нет цены! Нет цены!!! Только из уважения к вам, сэр Лунин, отдам за сорок полновесных золотых динаров.

– Китайцы плохо делают украшения, – нахмурился я, размышляя, откуда он может меня знать. – Как бы серебро не треснуло, или из него не вывалились замечательные индийские сапфиры, которые на деле напоминают мне дымчатый кварц.

– Сапфиры! – вскричал Мансур. – Может быть, не самой чистой воды, но из индийских копеек! Клянусь своими детьми! Тридцать динаров!

– Хорошо, думаю, динаров пять твой браслет стоит, – смилоствовался я. Действительно, серебра было много, а камни выглядели не так уж плохо. – Да и тебе нужно жить. Семь динаров.

– Двадцать пять – последняя цена.

– До свидания. У Ахмета, я слышал, привезли новый товар.

Конечно, ничего о привозе я не слышал. Просто заметил вывеску лавки Ахмета чуть дальше по улице.

– Смилуйся! – взвыл купец. – Возьми за двадцать!

Время поджимало. Я был уверен, что конечная цена – не больше десяти золотых динаров. Возможно даже, что купец отдал бы браслет и за пять. Но нужно было спешить и ускорить торг.

– У меня не динары и не юани. Золотые лиры, – назвал я первую попавшуюся валюту, которая мне пришла в голову.

Сказать, что монеты вообще неизвестно чьи, – сразу понизить их цену. Я показал Мансуру одну монетку с кораблем.

– Думаю, за динар она пойдет. Из уважения к вам, сэр Лунин, – осклабился хозяин, сразу определив вес монеты и пробу золота.

– Думаю, она пойдет за два, – веско заметил я. Мансур несколько раз подкинул монету на ладони.

– По золоту – один и восемь. Но ее ведь нужно менять! Возьму за один и семь.

– А я возьму твой браслет за десять динаров.

– За десять этих монет.

– Слишком много. Восемь.

– Идет. – Мансур чуть не плакал.

Я отсчитал монеты и сразу понял, что заплатил по крайней мере вдвое дороже. Но браслет был нужен мне как можно скорее.

Мансур спокойно поинтересовался: подарок это или взятка? Взятки здесь давали гораздо чаще, чем делали подарки, и этикет обязывал упаковывать вещи, предназначенные для взятки, не так, как подарки. Узнав, что это подарок, лавочник завязал браслет в изящный шелковый платочек – так здесь было принято дарить украшения, – и я поспешил обратно в сторону дворца.

На улицах околачивалось порядочно людей. По их возбужденным лицам и резким жестам я понял, что посланник Лузгаша уже проехал во дворец. Сейчас местные жители обсуждали увиденное. Я прибавил ходу.

Во дворец Валии меня пропустили беспрепятственно. Никаких вопросов, никаких провожатых. Мне это не слишком понравилось. Похоже, охраняли княжну довольно легкомысленные люди. Только китайцы сурово смотрели на всех входящих, но не делали попытки кого-то задержать. Во всяком случае, при мне. Наверное, на людей, знакомых в лицо, они не реагировали.

В зале собралось много народу. Здесь были богатые землевладельцы, влиятельные дворяне, богатые купцы, представители мастеровых артелей города. И, конечно, воины. Издали я заметил высокую Тахмину и подошел к ней.

– Сэр Лунин! Ваше место – во втором ряду, третья слева. Или вы тоже хотите сесть за занавеской?

– Это ни к чему, – усмехнулся я. – Когда начнется прием?

– Через пятнадцать минут выйдет княжна. Тогда же позовут послов. Пока вы можете закусить.

Согласно местным законам гостеприимства фуршетный стол уже стоял у дальней стены. Джигиты без стеснения подходили, наливали себе кумыс и ели ароматное копченое мясо с пышным свежим хлебом, закусывая его кинзой и укропом. Многие из них не успели пообедать, поэтому осуждать их было никак нельзя.

Задумчивая Эльфия сидела в кресле. Ей досталось место в первом ряду. По счастью, рядом с ней никого не было.

Я подошел и молча положил шелковый сверток на колени девушки.

Эльфия подняла глаза, увидела меня, и на ее личике изобразилось возмущение.

– Пытаешься подкупить меня? – свистящим шепотом произнесла она. – Я же сказала, что ты мне ничего не должен! Вернее, незачем пытаться меня погубить. Можешь не опасаться моего гнева!

Я присел рядом, не слишком смущаясь, что занял чье-то место, и улыбнулся девушке:

– Если бы я хотел подкупить тебя, предложил бы тебе денег. Не думаю, что ты будешь держать на меня зло из-за мелочи. Посмотри...

– Из-за мелочи! За кого ты меня принимаешь? Думаешь, будто можно меня подкупить! Вот еще! – Девушка фыркнула, но сверток тут же развернула.

Я хорошо знал, что это значит по местным правилам этикета, – подарок принят, если он не слишком дешевый или не слишком дорогой.

– Красивый, – заметила Эльфия совсем другим тоном.

– Лучшее из того, что я мог найти за час, – вежливо пояснил я.

– Но почему ты убежал? – снова вернулась она к старому.

Вот настырная!

– Никого не хотел убивать, ни с кем не хотел ссориться, – объяснил я. – Тем более со жрецами.

– Это были не жрецы, а охранники. А ссориться...

Наш спор прервал глашатай, громко выкрикнувший:

– Княжна Валия!

Все поспешили к своим местам, сидевшие поднялись на ноги. Я отошел от Эльфии и встал рядом с предназначенным мне местом.

Валия, одетая в темное платье, синий плащ и расшитую яркими самоцветами шапочку, вошла вместе с двумя девушками-телохранительницами, начальником войск Салади и советником Заурбеком. Окинув равнодушным взглядом зал, княжна опустилась на трон. После этого сели все.

– Аудиенция начинается! – объявил глашатай.

Затрубили спрятанные за какими-то занавесями музыканты, и китайские наемники ввели в зал двух посланников.

Послы Лузгаша оделись нарочито устрашающе. Один из них, толстый высокий здоровяк, несмотря на теплую погоду, был в волчьей шубе, стальном шлеме, украшенном волчьим хвостом, и высоких кованых сапогах. За спиной его висел двуручный меч, крестовину которого намертво примотали к ножнам медной проволокой. Гостеприимство хорошо в меру – а ну как посол выхватит меч и начнет махать им направо и налево? Лишать же посла оружия дипломаты Бештауна не решились.

Другой посол, невысокий и худой, облачился в жесткий стальной панцирь с золотыми насечками. Голову его венчала кираса, на боку – кривая сабля и прямой кинжал. Глаза его остро блестели, нашаривая кого-то в зале. Когда его взгляд наткнулся на меня, я равнодушно отвел глаза. Посол на меня никак не отреагировал. Стало быть, приметы мои Лузгашу неизвестны и искал он кого-то другого.

– Приветствуем царевну и вольный народ Бештауна! – силовыми голосами прокричали посланники. – Позвольте вручить верительные грамоты Оопа и Трксна!

Их акцент был очень неприятным – сразу стало понятно, что русский язык дался чужеземцам с трудом и овладели они им колдовским способом. Естественно, где-то за Вратами, в необъятном мире, где действовала белая и черная магия.

Княжна ничего не ответила. Послы вручили подошедшей Тахмине пергаментный свиток и опустились на колени. Не знаю, по собственной инициативе или так предписывал придворный протокол княжны. Оопом, очевидно, звали толстого. А худой был Трксн. Или Трксна? Впрочем, вряд ли княжна будет называть их по именам.

– Почему вы напали на моих людей? – с едва заметной дрожью в голосе спросила девушка.

Послы дружно, словно китайские болванчики, ткнулись лбами в пол.

– Наш повелитель послал нас вымолить прощение для неразумных воинов его армии. Он готов казнить каждого десятого, по недоразумению принимавшего участие в битве с твоими людьми. Мы пытались пройти через Врата, не зная, что они охраняются. Когда нас атаковали, мы решили, что подверглись нападению разбойников. И вступили в бой.

– Чего же он хочет от меня? Почему посылает послов, вместо того чтобы вернуться туда, откуда пришел?

Трксн приосанился, насколько это возможно на коленях, и объявил:

– Господина Лузгаша преследует могущественный враг. Повелитель Луштамга просит убежища в твоей земле для себя и своей армии. Как искупление за недоразумение у Врат он просит княжну Валию принять подарки.

Двое китайцев, кряхтя, внесли большой сундук, на котором стоял маленький ларец. Трксн поднялся с колен, снял маленький ларец (в ладонь длиной, в пол-ладони шириной) и открыл его. После этого ларец уже не казался присутствующим маленьким. Он был доверху наполнен неограниченными алмазами размером от рисового зерна до крупной фасолины. Сверху лежал ограненный бриллиант чистой воды, величиной и формой напоминавший абрикосовую косточку. Радужные сполохи из ларца осветили потолок и напряженные лица царедворцев. При взгляде на сияющие камни мне вспомнились дружинники из Сотни-у-Врат, на память пришел алмаз «Шах» и его история.⁶

Передав ларец Тахмине, Трксн откинул крышку большого сундука. Он был доверху набит блестящими алюминиевыми монетами. На мой взгляд, подарок оригинальный, но не более того. Однако для большинства присутствующих деньги в сундуке представляли огромное богатство. Сейчас только золото стоило дороже алюминия. Я же до сих пор не мог избавиться от убеждения, что алюминий – бросовый металл.

– Три пуда полновесных люмини! – гордо объявил Трксн.

Подарки произвели на княжну впечатление. Таких она еще никогда не получала. Но, не поддавшись искушению, девушка твердо произнесла:

– Кровь моих людей нельзя купить за деньги и побрякушки.

– Мы уже обещали, что все командиры, а также каждый десятый солдат, виновный в гибели твоих людей, будут казнены. Кровь за кровь! Хотя каждый гвардеец княжны и так взял жизнь пяти воинов Лузгаша, – подал голос Ооп.

– Действительно, – поддержал товарища Трксн. – Мы готовы заплатить кровью. Или отдать этих людей в рабство. Княжна вольна делать с ними все что угодно. Захочет – казнит, захочет – оставит работать на благо своего государства.

– Я подумаю, – ответила княжна. – Какое же убежище хочет получить у меня Лузгаш? Моя армия меньше его, и от врага, который его преследует, я его не защищу. Да и втягивать свое государство в войну я не хочу.

Трксн изобразил на тощем лице подобие улыбки и часто-часто закивал:

– Великий Лузгаш думал об этом. Он просит во владение долину Баксана и Врата. За земли у Врат он согласен заплатить шестьдесят пудов чистого золота. Княжна не получит столько с караванных пошлин и за триста лет. Таким образом, сдерживать чародеев придется нашим войскам. А здесь, как известно, чародеи нам не страшны. Именно поэтому мы отступили за Врата.

⁶ Алмаз «Шах» – камень весом около ста каратов, долго переходил от одного восточного властителя к другому. Имена некоторых даже были выгравированы на его поверхности. После убийства религиозными фанатиками в Тегеране А. С. Грибоедова камень был подарен русскому царю Николаю Первому – дабы смягчить его гнев.

– Что ты все на пуды меряешь? – жестко спросила Валя, впервые взглянув прямо в глаза Трксну. Тот отвел взгляд. – Мы много лет пользуемся метрической системой мер. Устарели ваши колдовские знания... Значит, Лузгаш готов отдать за каменистую долину, где можно прокормить пару тысяч овец и возделывать максимум тысячу соток земли, тонну золота? А как он собирается обеспечивать свою армию? Долина Баскана не прокормит столько людей.

– В этом еще одна выгода для княжны, – вновь подал голос Ооп. – Продовольствие мы будем закупать в вашем государстве, с богатых и плодоносных полей Кабарды.

– А когда кончится ваше золото?

– Тогда проблема чародеев уже будет решена. И Лузгаш уйдет в свой мир. Возможно даже, вернув земли ее высочеству Валии. Или продав их по номинальной цене. Как вы знаете, сами мы из Страны бескрайних полей и несколько каменистых полей вашего мира в другое время нас бы не прельстили.

– Я подумаю, – вставая, заявила княжна. – Аудиенция окончена.

Послов вывели. Ушли и рядовые воины, которых приглашали для представительских целей, отправились по домам и в трактиры, чтобы посудачить о приеме, знатные гости. Остались только ближние советники княжны: Заурбек, совмещавший должность премьер-министра и министра финансов, Салади, главнокомандующий войсками и начальник полиции, Тахмина, начальница гвардии княжны, Эльфия, личный порученец и доверенное лицо Валии, и Адольмина, ее ближайший советник, одна из самых образованных женщин Бештауна. Начальников китайских наемников не было. Как ни странно, попросили остаться и меня. Видимо, Заурбек просто не мог ничего поделаться. Я оценил доверие.

– Что скажешь, сэр Лунин? – обратилась Валя прямо ко мне, как только все уселись вокруг круглого столика со сладостями.

Я понял замысел княжны – расспросить и выставить меня, а потом уже продолжить разговор только со «своими». Что ж, мудро. Я расскажу все, что думаю, пока меня не выгнали. Если это может помочь людям и мне, я готов на все.

– Послы неискренни. Точнее, неискренен их господин. Долина Баскана не стоит тонны золота. Объяснение, что они хотят переждать в ней, покупая у тебя продовольствие, просто смешотворно. Им нужен плацдарм для нападения на все государства Земли. Они опасаются стойкого сопротивления твоих джигитов и армии Славного государства. Да и с китайцами им придется повозиться – когда они до них доберутся. Золото Лузгаша не пропадет – даже если он отдаст его тебе, в ближайшее время вернет обратно. Вывезти его ты не сможешь – Врата под контролем. А их дары – дешевка. Алмазы, скорее всего, искусственные или того хуже, магические. Если это так, через некоторое время они могут рассыпаться в прах. Алюминий же идет за Вратами по серебряному динару за два килограмма. А предложение отдать людей в рабство? Лузгаш просто пытается сформировать «пятую колонну» у тебя в тылу. В назначенный момент рабы возьмутся за оружие и перережут своим бывшим хозяевам глотки. Или возьмут их в плен – рабы нужны и Лузгашу...

– Я тоже думаю, что предложение непростое, – тихо заметила Валя. – Но что я должна ответить? Ведь они могут силой взять все.

– Пусть попробуют, – решительно заявила Эльфия.

Салади, главный военачальник княжны, улыбнулся дерзости девушки и заметил:

– Попробовать они могут. И могут победить, хотя это дорого им станет. Но задабривание противника никогда не приносило хорошего результата.

– В нашем случае как раз они пытаются задобрить нас, – морщась, заявил Заурбек. – Они предлагают такие деньги, что за них мы можем нанять целую армию китайцев. Купить лучшее оружие. Военную технику Славного государства...

– Отец Кондрат не продает свое оружие никому, – возразила Валя.

– Но можно нанять полки вместе с техникой и у него. Столько золота!

У Заурбека, привыкшего, видимо, к весьма скудному бюджету, горели глаза. Для казначея, роль которого выполнял советник, это было простительно.

Полненькая Адольмина, в начале разговора все время жевавшая пирожные с фуршетного стола, вдруг вмешалась в разговор:

– А вы в курсе, что послы раздавали деньги подданным княжны? Кидали горсти люмини в толпу, делали подарки случайным прохожим, глазевшим на их кортеж?

Присутствующие закивали. Похоже, этот слух не дошел только до меня.

– Мне кажется, это неспроста. Они собираются вызвать мятеж в нашем княжестве. Возможно даже, девальвировать денежную систему, – предположила Адольмина. – Это вызовет беспорядки, на волне которых поднимется беспринципный лидер, способный сотрудничать с Лузгашем. На такой оборот событий он и рассчитывает. Менталитет наших граждан, к сожалению, не рассчитан на удары вражеской пропаганды. Доверчивых горцев и бештаунцев легко убедить, что Лузгаш несет им благо.

– Но что помешает ему вести подрывную деятельность, если мы не примем предложение? – спросил Салади. На Адольмину он смотрел с уважением, что дорогого стоило. – Сила ведь все равно на его стороне.

Я по давней привычке поднял руку:

– Он хочет заключить договор с княжной, чтобы подтвердить легитимность сделки.

– Что-что? – не поняла Валия.

Послушав Адольмину, я сам невольно начал использовать древнюю терминологию.

– Сделка должна выглядеть законной. Тогда нам не сможет помочь никто со стороны.

– Отец Кондрат поможет мне в любом случае, – уверенно заявила княжна.

– Я имею в виду помощь из-за Врат.

– Кому мы нужны за Вратами? – хрипло рассмеялся Заурбек.

– Нужны, – возразил я. – Может быть, и не мы, но Лузгаш. Его многие желали бы призвать к порядку.

Спор продолжался еще некоторое время. Протекал он довольно вяло – все были подавлены и не настроены яростно спорить. Даже Заурбек немного скис.

Внезапно Валия поднялась с места и объявила:

– Мы должны говорить не о том, брать нам деньги или нет. Отец оставил мне земли не для того, чтобы я распродала их, как старье на барахолке. Государство Бештаун может только расширяться. Такой завет дали нам предки. Мы должны решить, что нам делать.

– Сначала нам нужно избавиться от чужого человека, – заметил Заурбек, кивнув в мою сторону.

– Не собираюсь злоупотреблять вашим вниманием, – заявил я. – Если на то не будет особого распоряжения княжны, я покину высокое собрание. Но для начала хочу посоветовать – никаких контактов с Лузгашем. Точнее, требование немедленно отступить за Врата. Он его не выполнит, и все станет ясно. А денег он все равно не заплатит сразу и в полном объеме. Разве что в алюминиевом эквиваленте. Готовьтесь к большой войне. Когда будет нужно – позовите меня. Я помогу вам всем, чем смогу.

Заурбек поморщился, Салади одобрительно кивнул.

Распоряжения княжны Валии относительно меня не последовало, поэтому я поднялся и вышел.

– Он уже узнал все, что ему было нужно, – прошипел мне вслед Заурбек.

Хотя советник перестал открыто называть меня соглядатаем, недоброжелательности он не утратил.

О чем шла речь дальше, я не услышал.

После приема послов Лузгаша в Большом дворце княжны Валии прошло три дня. Дела в Бештауне тем временем стремительно запутывались.

Послы государя Луштамга – худощавый, словно тонкий отточенный клинок, Трксн и могучий Ооп – ездили верхом по городу, заходили в лавки и на рынок, заговаривали с купцами, мастеровыми и земледельцами, расписывая прелести службы у Лузгаша. Аллюминиевые монеты сыпались градом. Даже цена их после приезда посольства упала. Если раньше за восемь люмини давали десять серебряных динаров, то после работы послов обмен шел один к одному.

Запретить послам болтаться по Бештауну княжна не могла – если уж она опрометчиво приняла их в своем дворце, то запрещать им общаться с подданными было нельзя. И послы, а еще больше их слуги, вели подрывную деятельность.

Когда на третий день княжна на малом приеме объявила послам, что не будет иметь с Лузгашем никаких дел, слух об этом с огромной скоростью распространился по городу. Народ, как ни странно, был глубоко возмущен. Граждане Бештауна хотели продать Баксанское ущелье и жить припеваючи. Построить железную дорогу в Славное государство и пустить по нему паровозы. Вымостить камнем все дороги. Нанять в Китае земледельцев, которые почти даром обрабатывали бы плодородные поля Кабарды, а самим заниматься большой политикой. На все это хватило бы золота Лузгаша. И еще больше осталось бы на содержание двора княжны.

Мастеровые и купцы, почти не скрываясь, говорили о дикой гордости и странных амбициях молодой правительницы. Общество желало денег и требовало мира. Ведь худой мир, как известно, лучше доброй ссоры.

Гуляя по городу, я слышал много разных суждений. Забавно, что дармоеды только и думали о том, как бы получить деньги чужеземцев и зажить на проценты. Настоящие труженики относились к предложениям Лузгаша настороженно, но боялись войны и считали, что скалистое ущелье с загадочными Вратами, из которых то и дело ползет всякая нечисть, вполне можно уступать.

Когда стало известно, что послам Лузгаша отказали, я решил навестить отца Филарета. Прошло уже несколько дней после наших приключений на рельсовой дороге, но вестей от священника не было. А ведь мы, надо заметить, неплохо провели время, спасаясь от абреков, охранявших святыя места. Мне было жаль, что священник больше не заходит. Очевидно, он испугался моего непредсказуемого поведения. В то, что ему на самом деле могли причинить вред помощники жрецов Лермонтова, мне не верилось.

Я подбивал Лакерта познакомиться с интересным человеком, но Вард отговорился нездоровьем и остался дома. После появления послов Лузгаша он стал тише воды, ниже травы и боялся лишней раз выйти из дому. Спал он одетым, обнаженный меч лежал у него под кроватью. Пожалуй, опасения товарища имели под собой определенные основания. Многие во дворце слышали, что перебежчик беседовал с княжной. И, хотя в лицо Лакерта мало кто знал, вероятность, что его вычислят, оставалась высокой.

Поэтому я оставил Варда дома, сел на велосипед и поехал к храму Николая Чудотворца, рядом с которым располагалось посольство Славного государства. Там, собственно, и жил отец Филарет.

Народу на улицах отиралось гораздо больше обычного. Бородатые поселяне, пришедшие издалека, судачили со стриженными мастеровыми и роскошно одетыми купцами, бороды которых были умащены благовониями. Работать никто не хотел. Обсуждение политических новостей – занятие гораздо более важное. И главное, приятное.

На меня и на мой велосипед, как всегда, показывали пальцем. Только теперь в этом жесте не было восхищения. Скорее любопытство и даже некоторая доля осуждения.

Золоченые купола храма святителя Николая слепили глаза. Вокруг было чисто, нарядно. Подворье – за высокой каменной оградой. Людей на прилегающей улице мало. У высоких

чугунных ворот – два огромных инок в рясах, с короткими деревянными колотушками за поясом.

Конечно, ко мне иноки сразу проявили явное почтение. Еще бы – подъехать к обители на велосипеде. Это все равно как если б я явился на самом породистом скакуне или в карете, запряженной четверкой прекрасных лошадей. В прежние времена такой же эффект производило появление на шестисотом «Мерседесе» или последней модели «БМВ». А в столице – на мотоцикле за тридцать тысяч долларов. Каком-нибудь «Дукатти».

– Что угодно, брат? – громогласно спросил один из иноков. Во мне он признал славянина, поэтому обратился, как к христианину.

– Повидаться с отцом Филаретом, брат, – в тон ему ответил я.

– Батюшка никого не принимает, – нахмурился инок.

– Может, меня примет? Ты скажи, что Лунин приехал.

– Передам, – пообещал монах.

Но сам не пошел. Из будки рядом с воротами вышел еще один чернорясник, с огромным кинжалом на поясе, и отправился во внутренние покои. Я смиренно стоял у ворот, любясь золотыми крестами на фоне чистого голубого неба.

Минут через пять инок вышел и сделал приглашающий жест:

– Проходи!

Я вошел на подворье, оставив велосипед стражникам. Те просто закатали его в сторожку. Ни вопросов, ни удивленного поцокивания языком. Другой менталитет, как сказала бы Адольфина.

Прямо перед воротами стоял высокий сарай. Внутри что-то шипело, из высокой трубы валил дым, а из бокового окошка – пар. Постройка никак не вписывалась в выдержанную в строгом и благолепном стиле архитектуру двора. Деревянное сооружение даже мешало проходить к красному крыльцу и закрывало вид на него от ворот. О чем это говорило? О том, что оно оборонительное, возведенное наспех. Но от кого и как может оборонить деревянный сарай? Разве что внутри него скрывается нечто, служащее для обороны. А деревянные стены – лишь маскировка.

– Баню построили, братия? – поинтересовался я у своего проводника, кивнув на сооружение.

– Баню, – мрачно кивнул инок. – Для лихих людей.

– Меня парить не будете?

– Пока не будем, коль ты не лихой человек, – буркнул монах. Расспросы мои явно ему не понравились.

По длинным светлым коридорам, украшенным яркими росписями, мы поднялись на второй этаж. Там инок указал мне дверь отца Филарета и откланялся.

– Здравствуй, друг мой! – поднялся мне навстречу старец.

– Здравствуйте, батюшка! Отдыхаете от трудов праведных?

– Отдыхаю, – согласился священник. – А еще больше – опасаясь козней язычников, ибо грешен есть.

– Тех, что мы обидели у Лермонтова?

– И тех тоже, – вздохнул священник. – Но не в них дело. Неладно в городе. Знаешь об этом?

– Как не знать. По улицам хожу.

– А Валяя меня к себе не зовет...

Я немного удивился. Если уж княжна решила отказать Лузгашу, почему она не ищет союза со Славным государством? Пятьсот витязей оттуда – хорошая подмога. Но малая. Да и этих витязей отец Кондрат отозвать может. Понимает он, что пятьсот бойцов против армии не выстоят.

- И что вы намереваетесь делать? – поинтересовался я.
- Да ничего пока. Смотрим, слушаем. Ты не с поручением пришел?
- Нет. Сам по себе.
- Плохо. – Священник покачал головой. – Неладно здесь будет.
- Почему?
- Не годится овцам с волками дружить...
- Так ведь отказала княжна посламу.
- Она отказала, да народ поверил. Надоело им в нищете жить, дармоедам зажавшимся.

А настоящей-то нищеты, голода не видели они...

Мне доводилось слышать, что у монахов Славного государства в Бештауне разветвленная шпионская и осведомительная сеть. Но глупо было надеяться, что отец Филарет начнет делиться со мной разведанными. Тем более сам я был в его глазах очень темной лошадкой.

- Может, попытаться пробиться к княжне, передать ей что? – спросил я.

Филарет очень внимательно взглянул на меня:

- Почему ты думаешь, что я ей передать что-то хочу?
- Потому что думаю, батюшка. В смысле, размышляю, анализирую, делаю выводы.
- Делай, делай, – вздохнул Филарет. – А передавать пока ничего не надо. Найду тебя, если нужно будет. Да и самого меня она всегда примет. Пока же я ни в чем не уверен.

Я склонил голову. Жаль, да ничего не попишешь. Придется действовать самому.

– Ты вот лучше скажи – это правда, что несколько сотен человек в теснине сам положил? – испытующе глядя на меня, спросил священник.

- Правда, – согласился я.

– Какой силой?

– Своей собственной, – серьезно ответил я. – Мне удалось застать их врасплох. К тому же за несколько последних лет кое-чему научился. Замедлять для себя время, переходить на другой уровень сознания, использовать скрытые ресурсы организма. Для меня все эти войны были словно сонными. Но я вовсе не непобедим, как многие здесь думают.

– Я как раз так не думаю, – тихо засмеялся священник. – Любое существо можно победить.

Меня больно укололо слово «существо»:

- Что же, батюшка, вы и за человека меня не считаете?

– Не считал бы я тебя человеком – и разговаривать бы с тобой не стал. Не гордись, главное. Да, вижу, ты и не гордишься.

- Спасибо на добром слове.

Священник уже поднял руку для благословения, когда я спросил:

- Что за сарай у вас во дворе, батюшка?

– Не догадался? – спросил старик.

– Ясно, что для обороны. А вот что в нем – не понял. Масло там кипятите, на головы осаждающих лить? Непохоже...

- Воду.

– Паром собираетесь их заливать? Как клопов?

- Бог даст – никто этого не узнает, – вздохнул Филарет. – Иди. Не заставляй меня лгать.

Но против такого оружия и ты не устоишь. Каким бы быстрым ни был.

Уже на пороге я вспомнил еще об одной просьбе, с которой хотел обратиться к пожилому священнику:

– Отец Филарет! Я все хочу купить себе крест, да нигде не увидел церковной лавки. Не можете?

– Купить крест? – удивился священник. – Кресты нателные не продаются. Крест прихожанин получает только из рук своего духовного наставника. Сейчас у меня нет подходящего, но я, конечно, найду его для тебя. Ты крещеный? Куда дел свой?

– Крещеный. А как я лишился всех вещей – долгая история...

– Ладно, потом расскажешь. Благослови тебя Бог, – сказал на прощание священник.

Ночами по городу шастали весьма подозрительные личности. Весь бездельный сброд со всех окраин собрался в Бештаун. Телохранительницы княжны ездили с обнаженным оружием. От них шарахались и тихо отпускали по адресу амазонок непристойные замечания. Гвардейцы держали сабли в ножнах, но их не нужно было уговаривать вытаскивать клинки. Несколько бродяг и подозрительных личностей, а также подвернувшихся под горячую руку горожан были изрублены. Нельзя сказать, что это прибавило Валии популярности.

После моего визита к отцу Филарету, когда солнце уже опустилось за горизонт, в дверь тихо постучали. Я открыл и был приятно удивлен – на пороге стояла Эльфия. Гордо вскинутая головка над плащом цвета грозового неба, на голове – словно золотая корона из пышных кудрявых волос.

– Ты не слишком искал встречи со мной, – заявила девушка с порога.

– Как бы я мог это сделать?

– Выходит, ты знал, что меня не было в городе? – подозрительно спросила Эльфия.

Я не ответил на вопрос, потому что любой ответ был бы не в мою пользу. Просто приобнял ее за талию и подвел к креслу.

– Все бездельничаешь? – спросила девушка, вытянув длинные стройные ноги. Было заметно, что она сильно устала.

– Если подразумевать под этим отсутствие бурной физической активности – да.

– Не надоело?

– Немного. А ты пришла сама или по поручению княжны?

– Какая разница?

– Первый вариант устроил бы меня гораздо больше.

– Выходит, ты не любишь нашу княжну?

– Ты мне нравишься гораздо больше.

– В каком смысле?

– Именно в том, в каком женщина может нравиться мужчине.

Эльфия довольно улыбнулась и откинулась на спинку кресла.

– Я слышала, что в некоторых местах гостей принято угощать, – промурлыкала она. – Кстати, где твой дружок?

– Уехал по делу, – ответил я.

Лакерт действительно отправился в дорогу ранним утром. Я попросил его разузнать кое-что и выполнить некоторые поручения, и он с радостью взялся за дело. Сидеть у всех на виду бывшему порученцу Лузгаша совсем не хотелось. А вдали от города – поди поймай его...

Эльфия испуганно взглянула на меня. Она-то была уверена, что я дома не один.

– Что это меняет? – спросил я, доставая и откупоривая бутылку шампанского. Вино было местным и не очень хорошим – впрочем, лучшим, которое я смог достать. Мы с Вардом перепробовали множество сортов, прежде чем я остановил свой выбор на этом, который назывался не очень эстетично: «Гроздь с Лысой горы». Хотя шампанское и оставляло желать лучшего, покупать шипучку из-за Врат, которая была еще хуже местных напитков, по два золотых за бутылку – увольте...

Зато бокалы я раздобыл самые лучшие – старинные, хрустальные, тихо звеневшие от малейшего прикосновения. Как раз для такого случая.

Девушка коснулась бокала полными губками.

– Вкусно, – одобрила она. – А некоторые так и спешат напоить даму коньяком...

– Ты не любишь коньяк?

– Я не люблю, когда меня спаивают.

Чтобы поцеловать девушку, мне пришлось наклониться. Губы ее были свежие, кисло-сладкие на вкус.

– Почему ты уверен, что я этого хочу? – высвобождаясь, спросила Эльфия.

– Потому, что ты пришла в моем браслете, – ответил я. И про себя добавил: «И потому, что ты вообще пришла».

Я взял руку с браслетом, аккуратно сдвинул его и поцеловал нежное запястье. Потом поднялся выше. Потом опять вернулся к губам.

Впрочем, девушку нужно было сначала накормить. Я налил ей еще вина, достал из шкафа купленную на рынке колбасу и лаваш, а также свежую зелень.

– Спасибо, – с набитым ртом, улыбаясь, поблагодарила девушка. – Если я не захмелела от вина, ты хочешь, чтобы я захмелела от еды. Сам почему не ешь и не пьешь?

– Я пьян от тебя, – признался я. Это звучало довольно избито, но было правдой.

Чуть позже я взял девушку на руки и отнес ее на диван. И целовал, целовал, целовал... Эльфия мурлыкала все невнятнее, и я уже собирался унести ее из гостиной в более подходящее место – например в спальню, когда в дверь тихо постучали.

Эльфия, растрепанная, торопливо поднялась. Она покраснела, золотые локоны спутались. В таком виде ее, конечно, не должны были видеть. Глазами я показал на дверь в свою спальню и пошел открывать. Если это Лакерт, я отправлю его ночевать в гостиницу.

На пороге стоял замызганный оборвыш лет десяти.

– Чего тебе? – спросил я, собираясь уже вернуться в комнату за остатками лаваша и колбасы. Ребенку нужно поесть, а мне колбаса в ближайшее время не понадобится.

– Меня прислал священник, – ответил мальчишка. – Он будет ждать вас у верхней дыры Провала. У него к вам очень важный разговор.

– Как мне узнать, что ты говоришь правду?

Мальчик протянул мне коричневую тесемку с надетым на ней изящным, тонко вырезанным деревянным крестом:

– Он велел передать это.

Я сунул в руку малыша серебряную монету и запер дверь. С отцом Филаретом нужно было встретиться во что бы то ни стало.

– Милая, ты не хочешь взглянуть на звезды? – спросил я Эльфию.

– Тебе нравится заниматься этим на улице? – спросила девушка.

– Чем – этим?

– Смотреть на звезды, – засмеялась моя подруга.

– У меня очень важная встреча. Но я хочу, чтобы ты пошла со мной.

– Чтобы не убежала? – опять улыбнулась Эльфия. – Не бойся, не убегу.

– Убежишь – тебе же хуже будет.

Я пристегнул меч и накинул серый шерстяной плащ. Эльфия взяла свою темно-синюю накидку, не забыв и саблю.

Мы вышли в ночь. Ярко светила луна. В ее свете я не заметил ничего подозрительного.

Взяв свою даму под руку, я повел ее в лес. Тропка уходила круто в гору. Если свернуть в нужном месте, выйдешь как раз к Провалу.

Почему священник не пришел прямо ко мне, а прислал мальчишку? За моим жильем следили? Но тогда соглядатаи придут за мной по пятам. Может быть, это ловушка?

Вот и нужная тропка. Несколько шагов – и появилась предупредительная надпись на редком частоколе. Если ночью грохнешься в Провал, запросто можно разбиться. А можно и не разбиться, если удачно упадешь.

Дыра была довольно большой. Где здесь искать священника? Я тихо позвал:

– Батюшка?

Эльфия испуганно взглянула на меня:

– Ты что, пришел сюда общаться с духами?

– Нет, с христианским священником. Их принято так называть.

– Понятно. – Эльфия облегченно вздохнула. – А я – язычница. Как и все мои предки. Тебя это не смущает?

– А почему меня должно это смущать?

Я опять поцеловал ее.

Если священник застанет меня за таким занятием, будет неловко. Но он, можно сказать, вытащил меня из постели. Так что потерпит.

– Нашу гвардию переводят в Железноводск, – тихо сказала Эльфия, когда мы решили передохнуть.

– Зачем? Княжна меняет место своей ставки?

– Если бы... Сама она остается здесь. Мы будем сдерживать бунт наемных китайцев, если он там произойдет. При нас китайцы не решатся бунтовать.

– И ты тоже уедешь?

– Я – адъютант Валии. Скорее всего, она разрешит мне остаться. А последние три дня я была в Железноводске. Изучала настроения.

– И как?

– Лучше не спрашивай. – Девушка помрачнела. – Мы на грани краха.

– Здесь точно так же.

– Я знаю.

Я утешил подругу поцелуем. Случалось попадать в переделки и до этого. Может быть, еще обойдется. Но где, однако, отец Филарет? Он заставляет себя ждать.

– Батюшка! – уже громче позвал я.

Из кустов неподалеку раздался еле различимый стон. Эльфия тоже его услышала и побежала в ту сторону. Мне пришлось поспешить за ней, хотя я был склонен сначала проверить, кто и почему стонет, а не бросаться на звук очертя голову.

На небольшой полянке лежат священник. Он и до этого не сиял здоровьем, сейчас же складывалось впечатление, что его умили голодной смертью. Провалившиеся глаза, запавшие щеки, мертвенная, мраморная бледность. В свете луны лицо отца Филарета казалось зеленым.

Эльфия склонилась над стариком. Я опустился на колени и спросил:

– Что случилось?

С трудом открывая рот, коверкая слова, отец Филарет выдавил из себя:

– Иерусалим в осаде – ведь они идут, чтобы захватить Землю, и полчища подлинно бесовские. Боритесь, хотя против гнева Господня не устоит никто...

Было ясно, что священник умирал и наполовину бредил. Я не знал, что делают в таких случаях. Нужно было соборовать его. Но я не умел этого делать и, наверное, не имел такого права.

Я снял с шеи крест и протянул его священнику. Тот благодарно прикрыл глаза.

– Что случилось? Что с вами? – спросил я.

– Берегись зверя, – тихо сказал священник и умер.

Нужно было не стоять столбом, а искать того, кто убил старика. Но Эльфия боялась оставаться наедине с трупом, да и я не хотел бросать ее одну. Враг был невидим и неведом. Только мерзкий запах ощущался вокруг. Испарения из Провала? Или все же запах врага? Я не мог определить. На запах животного или человека эта вонь не была похожа...

Покинув тело священника, мы с Эльфией спустились на дорогу. Конечно, ни о каком продолжении романтического вечера не могло быть и речи.

- Пошлешь гонца в миссию Кондрата? – спросил я девушку.
- Что передать?
- Что отец Филарет мертв. Пусть пришлют людей за телом. Объясни, где оно.
- А ты сам?
- Пойду наверх.

Эльфия обнажила саблю и, едва касаясь ногами земли, побежала в сторону дворца. Я проводил ее взглядом и вновь поднялся к дыре Провала. Тело священника нужно было осмотреть более тщательно. И я не оставлял надежды найти того, кто убил священника. С первого взгляда мне показалось, что его отравили сильнодействующим ядом. Довольно странный способ расправиться с одиноким стариком в лесу!

Лунный свет заливал полянку рядом с дырой в земле. Тела священника на ней больше не было!

Я бросился в одну сторону, в другую... Ни тела друга, ни живых врагов, ни даже их следов! Похоже, я поторопился отправить гонца в представительство Славного государства!

В слабом лунном свете я принялся шарить взглядом по земле. Следов на слое листвы, опавшей много лет, почти не оставалось. Она пружинила даже под тяжелой ногой. Нужно было постараться, чтобы оставить здесь след. Все же кое-где я нашел довольно странные углубления – словно в листву воткнули и вытащили кол. Что это? Кто-то втыкал в землю кинжал? Ставил палатку? Опирался на острую палку?

Между тем снизу послышался шум. В гору поднимался отряд иноков из посольства.

– Где он? – сразу же спросил у меня глава отряда, широкоплечий священник с серебряным крестом на груди. Крест был поменьше того, что носил Филарет, но все равно внушительный.

– Я видел его мертвым. Он лежал здесь. Я отлучился минут на пятнадцать, а тело исчезло.

– Странно, – заметил священник. – Но тебе вроде бы нет причин лгать. Думаю, нужно осмотреть озеро в Провале.

Такая мысль приходила в голову и мне. Несколько иноков отправились вниз, остальные разбрелись по лесу. Я помогал им в поисках, которые продолжались до утра. Но мы так ничего и не нашли.

Наглые оборванцы уже открыто собирались на перекрестках все ближе к княжескому дворцу. Многие местные купцы закрыли свои лавки, опасаясь погромов. А в городе появились другие купцы, странно одетые и торгующие странным товаром. Крепкие ароматные вина они отдавали практически задаром. Стакан стоил половину медного динара, двухлитровая бутылка – два серебряных динара или один люмини. Половина людей на улицах ходили пьяные.

Княжеская дружина сидела во дворце, как в осажденной крепости. Я бы посоветовал княжне арестовать всех чужих купцов и разогнать чернь, жестоко подавляя малейшее сопротивление. Но Валия не посылала ко мне за советом.

Если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе. Поспав немного после безрезультатных поисков священника и его убийц, я отправился во дворец. За ворота я попал, но княжна никого не принимала. Вообще никого, даже ближайших советников. Зато я без труда нашел Эльфию, которая была свободна от службы.

Увидев меня, девушка, зардевшись, строго спросила:

– Зачем пришел?

– Пригласить тебя поужинать. На нейтральной территории. Вчерашний вечер получился несколько незавершенным.

– И ты будешь спокойно ужинать после всех этих ужасов?

– Кто знает, что ждет нас завтра? Жизнь продолжается.

Эльфия робко улыбнулась:

– В городе неспокойно.

– Надеюсь, я буду в состоянии тебя защитить. Если ты этого захочешь.

– Хорошо. Зайдешь в семь вечера, – предложила девушка. – Пароль – «Бештау». Но если я понадоблюсь княжне, не обессудь, мы не сможем никуда пойти. А сейчас я на дежурстве.

Я понял намек и возвратился в свои апартаменты, которые уже начали мне надоедать. Лакерт еще не приехал из Железноводска. Это было немного странно. Не так далеко было до соседнего города.

В семь вечера я ждал прекрасного адъютанта княжны у ворот дворца. Небо было затянуто мглой, в любой момент мог пойти дождь. Эльфия вышла в десять минут восьмого. На ней был памятный мне синий плащ, высокие сапоги и шелковый платок. Под плащом любой мог заметить длинную кривую саблю. Я, естественно, тоже был вооружен. Создавалось впечатление, что мы собрались на боевую операцию или на дело, а не ужинать.

– Ты знаешь какое-нибудь приличное заведение? – прямо спросил я у Эльфии. – В Бештауне я не был тысячу лет и не хочу изображать из себя знающего...

– Пойдем в «Зеркальный карп», – предложила девушка. – Там очень вкусная рыбная кухня. Правда, дорого... Ты любишь рыбу?

– Люблю, – кивнул я, с признательностью заметив, что девушка оставила мне путь для отступления. Если мне сейчас не по карману посещать «Зеркальный карп», я мог просто заявить, что предпочитаю мясную или вегетарианскую кухню. – Далеко отсюда?

– Нет. В двух кварталах.

Мы спустились по улице метров на триста, повернули в переулок под горку, прошли еще несколько домов и зашли в уютный дворик, заросший кустами лавровишни. На блестящей вывеске, подсвеченной несколькими свечами, накрытыми стеклянными банками, был изображен карп. Художник выложил его из осколков зеркал.

Я открыл дверь и вошел. Время было не такое, чтобы пропускать даму вперед. В небольшом полутемном зале посетителей не наблюдалось. Только бармен за стойкой перетирал белоснежным полотенцем высокие стеклянные стаканы да скучающий официант подремывал за одним из столиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.